

Светлана
АЛЕШИНА

За тех, кто
В МОРГЕ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Светлана Алешина
За тех, кто в морге (сборник)
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961888

*Алешина С. В. За тех, кто в морге. Нервы на пределе: Повести.: Эксмо-Пресс; Москва; 2001
ISBN 5-04-007480-8*

Аннотация

Мужчина, пожелавший остаться неизвестным, сообщил Ольге Бойковой, главному редактору газеты «Свидетель», что городской цирк служит перевалочной базой для киллеров. Они, маскируясь под артистов, исчезают из города и делают свою «работу». Решив поближе познакомиться с обстановкой в цирке, журналистка принимает приглашение знакомого адвоката посетить совещание членов Магического клуба. Вот тут-то и начались фокусы. Один из магов и фокусников приглашает Ольгу и ее секретаршу принять участие в цирковом номере. И обе девушки «исчезают», провалившись в подвал здания...

Содержание

За тех, кто в морге	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	51
Глава 5	63
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Светлана Алешина

За тех, кто в морге (сборник)

За тех, кто в морге

Глава 1

А начиналось-то все нормально и без фокусов. Фокусы, причем самые настоящие, начались потом.

В этот вечер я уже собиралась домой, даже уже сумку свою закрыла, как зазвонивший телефон заставил мою Маринку сперва шепотом выругаться, а потом, после того как она подняла трубку, – с преувеличенной любезностью выпросить у звонившего мужчины, что ему угодно в столь неурочный час.

А угодна ему оказалась я, что приятно уже само по себе, но звучит озадачивающе, если звонит незнакомец.

– Отказался представиться, – доложила мне Маринка, входя в кабинет, – но сказал, что у него к тебе важный деловой разговор. Будешь говорить?

– Конечно, – ответила я, закуривая, и попыталась пофи-

лософствовать. – Если мужчина обещает важный разговор, то, возможно, там действительно будет что послушать.

– Ха! – воскликнула Маринка. – Если ты фантазируешь по поводу того, что тебя позовут замуж, – даже и не мечтай, они сами на такие разговоры не идут! Уж я точно знаю!

Удивленно подняв брови, я посмотрела на Маринку.

Про замужество я вообще-то не думала. Ну в том смысле, что не думала в связи с этим звонком, а вот у моей подруги, похоже, появился на эту тему бзик.

Рановато что-то, ей же еще лет тридцать до пенсии, если я правильно посчитала.

Сняв трубку своего телефона, на который Маринка переключила входящий звонок, я представилась, как обычно это делала:

– Главный редактор газеты «Свидетель» Бойкова Ольга Юрьевна.

Маринка не ушла из кабинета, а неизвестно с какого перепуга решила продемонстрировать совершенно не присущий ей аккуратизм и бросилась поливать цветы на подоконнике.

Я даже догадываться не стала, зачем ей это понадобилось, и занялась разговором.

– Хотелось бы передать вам важную информацию, касающуюся одного из криминальных каналов по доставке в наш город известного товара из Средней Азии, – произнес в трубке приятный мужской голос и замолчал, ожидая моей реакции.

– Вы говорите про наркотики? – уточнила я, прекрасно и сама это понимая, но мне требовалось подтверждение.

Разговаривая по телефону с незнакомым человеком, обещающим нечто потрясающее, всегда нужно помнить об опасности напороться либо на психа, либо на хулигана, занятого нехитрыми развлечениями.

Заранее никогда ничего не угадаешь, но в процессе разговора можно будет сделать кое-какие выводы.

Однако я поспешила с выводами и ошиблась в сути.

– Нет-нет, – сказал мой собеседник, – о наркотиках я ничего не знаю и знать не хочу. Я хотел бы передать вам информацию о наемных убийцах для ее дальнейшего продвижения.

– Насколько доказательна ваша информация? – спросила я, поглядывая на Маринку, полившую уже один цветок и занявшуюся следующим.

Если анонимы мне станут названивать так часто, хотя бы даже раз в день, – абзац моим цветочкам, сгниют от переедания.

– У меня очень качественный материал, – ответил мужчина, – но я почему-то не слышу заинтересованности в вашем голосе. Или эта тема вас не интересует?

– Нет-нет, – быстро ответила я. – Готова встретиться с вами в любое время. Даже сейчас, если вы будете настаивать. Хоть мы уже собираемся расходиться по домам, могу задержаться и подождать вас.

Маринка, услышав эти слова, повернулась ко мне и покрутила пальцем у виска.

– Ма-ньяк! – громко прошептала она. – Не соглашайся.

Нахмурившись, я не ответила.

Однако с моим предложением неизвестный собеседник не согласился.

– Так не пойдет, – твердо сказал он. – У меня есть причины опасаться встреч с... с некоторыми людьми. Предлагаю встретиться на нейтральной территории. Например, в парке около Татищевского музея. Вас это устроит?

– И когда же? – спросила я, не видя в этом предложении ничего угрожающего.

Татищевский музей располагался в центре города на старинной площади, разделяющей музей и помпезное здание областной администрации.

Условившись о времени встречи, я повесила трубку, почему-то подумав о том, что если бы музей не был отделен от здания администрации, то смотрелся бы рядом с ним весьма жалким родственником.

– Неужели пойдешь? – спросила Маринка, сразу потеряв интерес к флоре моего кабинета.

– А как же! – ответила я. – Иных путей добывания материалов еще не придумано. Правда, можно еще перепечатывать статейки из других газет, но это путь не для нас.

Маринка подумала и заявила, что пойдет со мною и, задумчиво почесав кончик носа, пошутила:

– Хочу лично убедиться, что мне будет некому возвращать твой лиловый костюм...

– Который ты у меня взяла два месяца назад, сказав, что только на один вечер, – кивнув, подхватила я. – Такое впечатление, что ты живешь на Северном полюсе. У тебя один вечер в полгода растягивается.

– К сожалению, я живу в Тарасове, а не на полюсе, – почему-то с трагической слезой в голосе заявила Маринка. – На полюсе, возможно, я была бы лишена общества жестких и черствых людей, которые называют себя моими друзьями, а сами травят и травят меня из-за какой-то пошлой тряпки!

Выпалив эту околесицу, Маринка шмыгнула носом и, задрав голову, вышла из кабинета.

Я задумчиво посмотрела ей вслед, подумав, что мой классный костюм, когда я отдавала его Маринке, совсем не был похож на тряпку.

Однако, как говорится, все течет... И снова сняв трубку телефона, пригласила к себе в кабинет Виктора, нашего редакционного фотографа, личность по-своему уникальную и, вне всякого сомнения, человека прекраснейшего.

Отслужив в войсках специального назначения в Афганистане, Виктор не только многому научился в армии, но кое-что и разучился делать.

Став безусловным специалистом по рукопашному бою, он практически перестал разговаривать, превратившись в принципиального молчуна. Однако мы с ним прекрасно по-

нимали друг друга. Наверное, потому, что разговорчивость – вовсе не самое главное мужское достоинство.

Итак, Виктор зашел в кабинет, я кивнула на стул, он присел, и в двух словах изложила суть дела.

Внимательно выслушав меня, он тоже в ответ просто кивнул, как всегда делал, откликаясь на любую мою просьбу, и теперь я была спокойна: телохранителем на вечер обеспечена и, что бы ни случилось, Виктор меня защитит и не даст в обиду.

Мы вышли из редакции втроем – я, Виктор и Маринка.

Моя «ладушка» радостно чирикнула мне и отщелкнула замки дверей.

Я передала Виктору ключи вместе с пультом дистанционки и села в свою машину как пассажир. Когда со мною Виктор, я предпочитаю не вмешиваться в его действия и не проявлять инициативу: вся история нашего знакомства свидетельствует о том, что он всегда знает, что делать, и делает все правильно.

Виктор повел «Ладу» к музею, а Маринка сразу же, как только устроилась на сиденье рядом со мною, принялась болтать на очень важную для нее тему – о мужчинах.

Присутствие Виктора ее не стесняло, она научилась относиться к нему как к существу бесполому, чего, впрочем, я никогда не могла понять. Наверное, это происходило потому, что между Маринкой и Виктором существовала какая-то тайна, в которую я еще не была посвящена. Но, полагаю, ра-

но или поздно моя секретарша не удержится и расскажет мне и о ней.

— А какой у него был голос? — спросила Маринка о звонившем. — Тебе не показалось, что он чем-то взволнован или напуган?

— Нет, — ответила я, — не показалось. Он был спокоен.

— Тем хуже, — констатировала Маринка. — Беспокойный псих лучше спокойного. Беспокойного можно всегда вывести из себя. Криком, например...

— Ага, и он тебя сразу же зарежет или укусит, — прокомментировала я.

— Не факт, — возмутилась Маринка. — Ты же была бы уже к этому готова. А вот со спокойным психом — проблема. Никогда нельзя быть уверенным заранее: укусит, зарежет или просто окажется нормальным человеком.

— Тебя послушать, так пусть лучше все окажутся психами, потому что тебе так легче думается, — съязвила я, все еще помня о костюме, обозванном тряпкой: нас не тронь, и мы не тронем.

Маринка уже открыла рот, чтобы начать мне противоречить, но тут оказалось, что мы уже приехали, и я со вздохом облегчения первой вышла из машины.

Встреча с моим неизвестным корреспондентом должна была состояться приблизительно через пять минут на третьей от края лавочке с левой стороны скверика, окружающего Татищевский музей.

Посмотрев в сторону лавочки, я увидела, что она пуста, поэтому решила пока к ней не подходить, а подождать, когда явится назначивший мне встречу мужчина.

Виктор, выйдя из машины, оглядел окрестности и встал у меня за спиной, Маринка же подчеркнуто подозрительно присматривалась к каждому прохожему и даже не поленилась заглянуть в «девятку», подъехавшую и вставшую рядом с «Ладой».

Стекла «девятки» были тонированными, но стекло дверцы водителя было опущено. Водитель, взлохмаченный очкарик неопределенного возраста, протяжно зевнул в пространство, выбросил на улицу окурок сигареты и развернул газету.

До встречи оставалось две минуты, и я решила идти к лавочке.

– Пора, что ли? – спросила меня Маринка, продолжая подозрительно оглядываться на прохожих.

Эти двое появились почти одновременно.

При желании подозрительными можно было объявить обоих. Женщина примерно тридцати – тридцати пяти лет шла со стороны административного здания и несла в руках большой черный полиэтиленовый пакет. Ей навстречу двигался мужчина, державший в руках такой же пакет, только белый.

Проследив за Маринкиным взглядом – сначала на женщину, потом на мужчину, – я шепотом съехидничала:

– Обрати внимание, подружка, пакеты у них разные по цвету, но одинаковые по размеру. Не иначе, как сейчас на наших глазах произойдет встреча двух резидентов иностранной разведки.

Но на наших глазах произошло нечто совсем другое.

Когда женщине оставалось дойти до нас три или четыре шага, она, вдруг охнув, поскользнулась и упала, выронив пакет из рук.

Виктор подскочил к ней и протянул руку.

– Спасибо, – произнесла женщина, постаралась встать, но снова присела и повисла на его руке.

В этот момент я услышала, как сзади хлопнула дверца машины.

Оглянувшись, я только и успела заметить, как из остановившейся рядом с моей «Ладой» «девятки» выскочил лохматый мужчина, и едва открыла рот, как он прямо в лицо брызнул мне какой-то гадостью, и я почувствовала, что против своей воли, с ходу, начинаю засыпать.

Ну, может быть, и не совсем засыпать, но по крайней мере у меня все закружилось перед глазами, а сами глаза начали закрываться. Мужчина подхватил меня и, словно мешок, кинул на заднее сиденье своей машины. Последнее, что я видела, была спина Виктора, копошащегося над упавшей женщиной, и Маринку с полуоткрытым ртом, с немым ужасом глядящую на меня.

Вот так всегда и бывает: когда не нужно, она просто до-

стает своими рассказами, а в пиковой ситуации даже не может догадаться крикнуть. Подруга называется!

Похитивший меня мужчина заскочил на водительское сиденье и ударил по газам. Я упала на бок на заднем сиденье «девятки» и поняла, что лучшего для меня места нет и быть не может, поэтому закрыла глаза и расслабилась. Все было отлично...

Вялая дурь, напавшая на меня, стала проходить так же быстро, как и налетела. Покачив головой, я попыталась сесть, опираясь левой рукой на сиденье.

– Все нормально, Ольга Юрьевна, – не оборачиваясь, сказал водитель.

Я поймала его веселый взгляд в зеркале заднего обзора. Мне показалось даже, что водитель мне подмигнул.

– Что нормально? – спросила я, собирая мозги в кучу.

– Мне нужно было с вами переговорить с глазу на глаз, а вы явились с целой свитой сопровождающих. Не волнуйтесь, пожалуйста, сейчас через парочку поворотов я остановлюсь, изложу вам свое дело и потом подвезу, куда скажете. Похищать вас я не собираюсь!

Я уложила в голове все, что мне было сказано, и как-то сумела сесть более-менее ровно. Судя по пейзажам, проплывающим за окнами «девятки», мы ехали в сторону Волги в направлении грузового порта. Невзирая на миролюбивые слова моего похитителя, ехать с ним мне не очень-то хотелось. Скорее всего меня не устроила форма приглашения, поэто-

му я потянулась к ручке двери, чтобы открыть ее и тем самым заставить водителя остановить машину.

– Прекратите немедленно! – крикнул он, видя мой маневр. – Вы что, не понимаете нормального обращения?

Он резко повернул машину влево, потом вправо и, нажав на педаль тормоза до отказа, остановил ее.

Я вовремя подняла руки, изо всех сил вцепившись в спинку переднего сиденья, и только благодаря этому не лязгнула зубами об эту спинку.

Водитель обернулся, и я наконец-то рассмотрела его.

Это был мужчина лет пятидесяти с длинными седыми патлами, свисавшими по плечам. Прическу дополняли густые длинные усы и большие очки в толстой оправе. Все это создавало настолько броский образ, что невольно заставило меня подумать о маскировке.

– Так что же вы хотели мне сообщить? – стараясь говорить спокойно, произнесла я и, не обращая внимания на начинавшуюся беседу, снова потянулась к ручке дверцы. Маринкины разглагольствования о психах мне почему-то хорошо запомнились.

– Наш городской цирк служит перевалочной базой для киллеров из Средней Азии, – глядя мне в глаза, заговорил водитель. – Это не только азиаты, но и европейцы. Они прибывают сюда и потом разъезжаются по нужным направлениям для выполнения своих заданий. Киллеры маскируются под артистов и исчезают на короткие сроки, делая свою ра-

боту. Потом опять возвращаются в город и выезжают из него как ни в чем не бывало. Самый главный в этом деле...

Мой собеседник неожиданно замолчал и, резко отвернувшись от меня, надавил на педаль газа. Именно в этот момент распахнулась дверца, и я вывалилась наружу. А «девятка» рванула вперед. Я едва успела отскочить от дороги, готовясь бежать и дальше, если потребуется, но тут увидела причину того, почему мой похититель так неожиданно прервал разговор: моя «Лада» с Виктором за рулем, свистнув тормозами, остановилась почти напротив меня, и из нее выскочила Маринка, потом, как всегда не торопясь вышел Виктор.

И в самом деле, куда спешить-то? Мой взлохмаченный информатор уже скрылся, выронив меня по дороге.

– Ты как? – закричала Маринка, привлекая запоздалое внимание прохожих, и так уже заинтересованно поглядывающих на меня. – Что он тебе сделал? Не молчи! Ты живая?!

Последний вопрос я не смогла проигнорировать и, кивнув, сказала то, что мне казалось самым правильным:

– Кажется. А ты как думаешь?

Маринка открыла рот и тут же его закрыла – видимо, начала думать.

– Ну, а об остальном я спрошу тебя потом, – многообещающе посулила моя секретарша, и они с Виктором, обступив меня, как тяжело больную, повели к машине.

Я не сопротивлялась: хочется людям поухаживать, ну так ради бога, кто был бы против!

– Что он сказал? – сразу пристала ко мне Маринка, едва мы сели в машину и тронулись с места.

Потянув время, я закурила и быстро пересказала свой разговор с неизвестным. Скрывать было нечего, потому что поняла и узнала я, к сожалению, слишком мало.

– Вранье! – тут же заявила Маринка, еле дослушав меня до конца. – Все вранье, он хотел чего-то другого! Что это вообще за чушь: киллеры караванами перебрасываются в наш цирк, оттуда мчатся по своим делам... А потом возвращаются обратно в цирк, что ли? Непонятно все это! Слишком сложно. Что же, киллеры целым потоком, что ли, ездят?

Я поймала взгляд Виктора в зеркале заднего обзора и спросила:

– А ты как думаешь, похоже на правду или нет?

Он пожал плечами, и я решила отложить разговор до завтрашнего приезда на работу. Общее совещание обычно помогает разобраться в сути вещей. Или запутать его еще больше.

Мы подъехали к моему дому, и Виктор вопросительно взглянул на меня.

– Кажется, нападений быть не должно, – сказала я. – К тому же никто просто не поверит, что после того, что случилось, я осталась дома одна без охраны.

Виктор проводил меня до квартиры, а потом уехал, предварительно поставив «Ладу» под моими окнами на ее обычное место.

Глава 2

Утро, обыкновенное и даже рутинное утро, обрушилось на меня Маринкиными возгласами в кухне – ей, видите ли, показалось, что убегает кофе, и она, прежде чем посмотреть на плиту, предпочла сначала заорать, что для нее весьма характерно.

Я еще не сказала, что Маринка ночевала у меня?..

Услышав, что мой будильник уже разоряется и сейчас она примчится ко мне с дурацкими словами, что уже пора вставать, потому что мы уже опоздали, не успели, и если я не встану, то...

Я даже поморщилась от таких форс-мажорных перспектив, сползла с дивана, закуталась в халат и зашлепала в ванную, не найдя даже одну из тапочек – так спешила избавиться себя от очередного утреннего наезда Маринки.

– Ты уже встала, Оль? – крикнула она мне, выглядывая с кухни. – Давай быстрее, нехорошо руководству задерживаться, мы и так уже...

Не дослушав знакомый до изжоги рефрен, я заперлась в ванной и резко открыла оба крана на максимум. Лучше уж шум воды, чем Маринкины поучения с утра пораньше.

Душ меня не освежил. Я давно заметила: если просыпаться не по собственному желанию, то уже ничего не поможет – считай, день пропал сразу.

Скучно позавтракав и молча покивав головой какому-то очередному Маринкиному рассказу, я наконец-то дождалась того момента, когда можно будет ехать на работу – Маринка в машине немного притормаживает свою болтливость. Наверное, боится попасть в аварию и прикусить свой длинный язык.

Зима в этом году хоть и не напугала пока еще чересчур низкими градусами, но все-таки была достаточно холодной, чтобы любая машина, а уж тем более моя, получила уважительный повод для демонстрации недостатков своего характера. Как и можно было предположить, моя «Лада» по причине отрицательных температур отказалась заводиться сразу и потребовала нескольких минут прогрева двигателя, что в общем-то дело обычное, но она еще никогда так не капризничала. Я ждала, пока она прочихается да прокашляется, и грустно думала о том, что же мне делать с «ладушкой».

Вот когда начинает капризничать Маринка, мне ясно, как она от этого излечивается, и я даже могу предсказать и метод, и сроки исцеления. От начала Маринкиных капризов до срочной завязки ею нового романа проходит обычно от двух дней до одной недели. Если поиски лекарства – оно же и лекарь – растягиваются до недели, то жарко становится уже не только мне, но и всей редакции газеты. Зато когда потом следует моментальное превращение Маринки из брюзгливой мымыры в розового мягкого пупсика, счастливо наслаждаются покоем все.

Но это все-таки Маринка, а вот как поступить с «Ладой»? Дать ей пару ночей постоять рядом с навороченным «БМВ» или просто масло сменить?

Пока я размышляла на эту тему, моя машинка наконец-то завелась и дернулась, что означало ее безусловное желание начать работать.

– Поехали, ты что тормозишь-то? – подтолкнула меня в локоть Маринка. – Мы уже и так опоздали, а нам еще в одно место нужно заехать!

Я тронула «Ладугу» с места и, заинтересовавшись последним замечанием Маринки, спросила:

– Что-то я не помню, что нам куда-то еще было нужно заезжать, кроме редакции. Разговора не было.

– А я тебе разве не сказала за завтраком? – удивилась Маринка.

И пусть я ее не видела, потому что смотрела прямо перед собой на дорогу и не мотала головой из стороны в сторону, как это делают безответственные граждане, но была уверена на все сто, что, когда моя Мариночка задала этот вопрос, она очень удивленно и совершенно неестественно захлопала своими глазками, думая, что я нарочно не хочу ничего помнить. На самом же деле она ничего не говорила, а я расстройствами памяти не страдаю.

– Ты мне ничего не говорила! – отдельно и четко произнесла я, решив раз и навсегда в сто первый, наверное, раз быть жесткой и твердой бизнес-вумен и наплевать на все па-

нибратские отношения с личным составом! И нечего меня будить, когда я этого не хочу!

– Нам с тобой еще нужно заехать на Верхний рынок, – примирительно произнесла Маринка. – Там я видела незнакомый сорт кофе «Арабика-маулави». Нигде такого нет, только там. Говорят, вещь потрясающая! И кстати, дорогой, сволочь, но куда ж деваться? Ты ведь еще не пробовала, конечно, «Маулави»?

– И что из того? – спросила я нарочито холодным тоном, но сама против воли заинтересовалась.

Мы проехали в молчании два квартала, и я сдалась, кивком продемонстрировав свою слабость и отход от принятого ранее решения явить миру всю несказанную стервозность своего характера. К сожалению, вынуждена признаться, что это мне далось легко, за что я была наказана, причем очень скоро. Но обо всем по порядку.

Мы подъехали к нашему городскому цирку, и то ли черт меня дернул, то ли воспоминание о вчерашнем происшествии, то ли Маринка своими дурацкими флюидами – а других у нее и быть не может – так повлияла на меня, что я, вместо того чтобы продолжить, как было положено, движение по прямой, решила сэкономить несколько минут: мне не захотелось дожидаться, когда рассосется автомобильная пробка впереди, и я лихо свернула направо, на маленькую улочку, идущую вдоль задней стены цирка. Дорожка здесь была узкой, предназначенной только для одностороннего движения,

и улочка выходила на соседнюю улицу, параллельную той, с которой я так удачно удрала.

Точнее говоря, мне показалось, что я поступила хитро. В самые первые секунды после поворота я пребывала в этом блаженном заблуждении, пока качающийся впереди меня длиннющий «КамАЗ», за которым я, собственно, и свернула, вдруг остановился.

Сперва я подумала, что эта металлическая дура сразу же, ну или почти сразу, начнет движение снова, но оказалось, что ей срочно понадобилось разгружаться. Я тоже затормозила, похвалив себя за предусмотрительное соблюдение дистанции. К «КамАЗу» подбежали несколько грузчиков в зеленых куртках с трафаретными надписями на спинах «Цирк» и быстро распахнули двери кузова. Оказавшись запертой спереди, я оглянулась назад, надеясь побыстрее вырваться из ловушки, в которую сама себя и загнала.

В этот момент я почувствовала резкий удар по машине сзади и успела только взгляд поднять и увидеть, что в мою «Ладу» вписалась зеленая «десятка». Инерция удара толкнула меня вперед, ремни безопасности дернули назад, и я, проглотив свой собственный крик, бессильно повисла, будучи притянутой к спинке сиденья.

Моя Маринка, считавшая ниже своего достоинства фиксироваться какими-то там плебейскими ремнями, стукнулась лобиком в стекло, ойкнула и сползла вниз под сиденье. Как оказалось, это была наилучшая позиция в той ситуации,

которая сложилась вокруг нас.

Из «десятки», так грубо пнувшей меня, выскочили несколько парней с пистолетами и один с автоматом и устроили беспорядочную стрельбу по грузчикам, вытаскивающим узлы и коробки из «КамАЗа». Те предпочли не принимать участия в этом хреновом боевике и бросились кто куда. Из дверей здания цирка выскочили несколько омоновцев, очевидно охраняющих это здание, и тоже повыдергивали оружие.

Когда я все это увидела, то постаралась быстро, но тихо сползти вниз, просочившись сквозь ремни, и оказалась на полу «Лады» рядом с Маринкой. Никогда до этого я не думала и не знала, что на полу перед передними сиденьями так много места. Дай бог здоровья нашим конструкторам!

Стрельба закончилась так же резко и внезапно, как и началась. Навалившаяся тишина напугала меня еще больше, чем треск выстрелов. Маринка, похоже, испытала то же самое чувство и срывающимся шепотом спросила у меня:

– Сейчас бомбу бросят?!

Я промолчала, но на всякий случай улеглась поудобней, если так можно сказать. Послышался удаляющийся рев двигателя сзади, и потом все снова стихло.

– Кажется, они уехали, – прошептала я, не решаясь, впрочем, даже поднять голову.

Маринка промолчала, отдавая мне самой право проверить собственное предположение, и тут распахнулись обе перед-

ние дверки моей «Лады» и несколько мужских глоток проорали, как мне показалось, над самым моим ухом:

– Руки вверх! Не шевелиться!

Как будто кто-то собирался!

Сильные руки потянули меня вверх, потом дернули несколько раз, и я очутилась на улице, окруженная целой толпой омоновцев в масках и с автоматами.

– Оружие! Наркотики! Документы! – прорывкали мне, и я только носом повела в сторону своей сумки, как ее уже выхватили с сиденья и распотрошили.

Красная книжка редакционного удостоверения не произвела на бравых вояк никакого впечатления. Меня повернули лицом к машине и ощупали всю, причем довольно-таки грубо. Можно подумать, что таких, как я, этим ребяткам приходится обыскивать по пять раз на дню.

С другой стороны машины на меня смотрела Маринка, с которой поступили столь же бесцеремонно. Блин, кофейку неизвестного ей, видите ли, захотелось, заразе! Ну я ей еще устрою!..

Не знаю, сколько времени продолжалось все это безобразие около цирка, но в какой-то момент к нам подошел молодой парень в штатском и, вернув наши с Маринкой вещички, посоветовал уезжать с этого места, предупредив, что нас как свидетелей еще вызовут для дачи показаний. Пока он нам все это говорил, весь отряд ОМОНа куда-то рассосался, и если бы не ошутимая боль в шее, то можно было подумать, что

мне все это привиделось и прислышалось, но, к сожалению, таких чудес на свете не бывает.

До редакции мы ехали в полнейшем молчании, переполненные впечатлениями и переживаниями. Маринка даже не вспомнила про свою «Арабику-как-ее-там», ради чего, собственно, мне и пришлось поехать именно к цирку, а не сразу на работу.

Когда мы приехали, Маринка поднялась в редакцию, а я немного задержалась рядом с машиной: только сейчас я получила возможность спокойно походить вокруг нее и осмотреть повреждения. Кроме смятого заднего бампера, двух отверстий от пуль в лобовом стекле и царапины на передней левой стойке, никаких повреждений не было заметно. Тяжело вздохнув о тяжелой доле, я тоже пошла на свое рабочее место.

Зайдя в редакцию, я сразу же поняла, что Маринка уже начала обрабатывать общественное мнение. Ромка, стоящий посередине приемной с открытым ртом и горящими глазами, выглядел ну прямо как памятник Христофору Колумбу, запечатленному в тот момент, когда тот узнал, что если он что и открыл, то никак не Индию, – открытый рот, вытаращенные глаза и волосы дыбом. Колумб, одним словом.

– Ольга Юрьевна!.. – воскликнул Ромка и заткнулся, напорвшись на мой мрачный взгляд.

Я поморщилась и посмотрела на Маринку, уже копошащуюся вокруг кофеварки.

– Во сколько это примерно началось? – задал мне вопрос Сергей Иванович, самый старый и опытный сотрудник нашей редакции.

Он сидел за компьютером и, судя по характеру вопроса, уже шлепал статью на тему покушения на главного редактора «Свидетеля». На меня то есть.

– Ой, не помню точно, Сергей Иванович! – отмахнулась я и тут же добавила: – Приблизительно в десять.

– Понятно, – Сергей Иванович опять защелкал кнопками клавиатуры.

Несмотря на некоторую взвинченность, я не смогла не удивиться профессионализму этого человека и тут же укусила свою секретаршу – ее, между прочим, всегда есть за что!

– Вот видишь, Марина! Вместо того чтобы здесь рассуждать про взрывы и пожары, – нудным тоном сказала я, – взяла бы и написала статью про это происшествие. Бери пример с Сергея Ивановича, видишь, он уже пишет.

– А кто будет брать пример с меня? – моментально взъелась на правду Маринка. – Я пришла и, несмотря на нервное, можно сказать, потрясение, вынуждена сочинять не статью, а кофе, причем на всех! Тржусь, как...

– Как пчелка, – с тяжелым вздохом закончила я ее мысль, потому что слышала все это даже не в десятый раз, и отворила дверь своего кабинета.

– Даже хуже, чем пчелка! – прокричала мне Маринка вслед, но я уже закрыла дверь и начала снимать плащ.

Раздевшись и сев в кресло, я первым же делом позвонила своему старинному приятелю Фиме Резовскому. Фима был адвокатом, все рабочее время посвящавшим добыче денежных знаков, а свободное – хобби.

Его хобби была некончившаяся охота за моей благосклонностью – я просто из приличия не хочу употребить именно тот термин, который здесь был бы более подходящ, потому что как раз благосклонность Фима имел, но все, что следовало за нею, – шиш. Причем, как мне кажется, Фима не отчаивался, его увлекал сам процесс. Мне иногда не без оснований казалось, что, если бы Фима добился своей цели, ему было бы просто грустно жить на свете, потерялся бы и смысл, и стимул для этой жизни. А так – все отработано и привычно: в рабочее время – работа, во вне рабочее – хобби. Счастливый человек!

Я дозвонилась до Фимы без сложностей. Секретарша в офисе папы-Резовского, где Фимочка тоже имеет свой стульчик, а может быть, и столик – не знаю, не была, не видела, – уже начала меня узнавать по голосу и соединила с Фимой сразу же, как только я об этом заикнулась. Я почему-то подумала о Маринке, которая даже меня не всегда узнает, когда я звоню на работу, но развить эту мысль не успела, поскольку трубку взял Фима. Я быстро изложила ему все, что со мною и с Маринкой сегодня произошло, и он так же быстро ответил, что окажет мне все услуги в самом полном объеме.

– Ты поняла, Оля? – Фима со значением в голосе повто-

рил: – В самом наиполнейшем!

– Я давно уже поняла, Фимочка, но пока у меня возникла необходимость только в адвокате. То есть, как только меня приглашают в РОВД или куда-то там еще, я звоню тебе?

– Конечно! Конечно! – быстро отреагировал Фима и спросил: – А ты, кстати, знаешь, что в последнее время наши органы начали практиковать приглашения на допросы под вечер и нарочно затягивают их допоздна? Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, чрезмерной перегруженностью оперативных работников, а во-вторых...

– Фима! – взмолилась я. – Я уже все поняла, но мне очень неудобно просить тебя приезжать ко мне домой и с вечера до утра ждать, когда же меня вызовут. Да и места у меня маловато.

– Какие могут быть неудобства между своими людьми? – вкрадчиво спросил Фима. – А много места мне не нужно...

Кое-как закончив разговор с Фимой, я положила телефонную трубку, но тут дверь моего кабинета отворилась и в полном составе ко мне зашла вся редакция. Занятой вид был только у Сергея Ивановича, у остальных – занятный. Маринка – со страдальческим лицом. Ромка, по-моему, так и не сумел закрыть рот, открытый при моем приезде на работу. А Сергей Иванович держал в руках блокнот и шариковую ручку.

– Кофе пить будем? – сурово спросила меня Маринка и, не дожидаясь ответа, то есть действуя, как всегда, начала рас-

ставлять на кофейном столике чашки и блюдца.

Мне оставалось только кивнуть, что я и сделала, заметив, что на мою реакцию никто и внимания не обратил, опять же, наверное, кроме Сергея Ивановича.

– Ольга Юрьевна, – обратился он ко мне на полном официозе, как всегда поступал в пиковые по времени ситуации, – пожалуйста, дайте мне для статьи уточнение, сколько было взрывов, три или все-таки пять, впрочем, я могу написать «несколько», что допустимо... И еще: чеченские боевики-ваххабиты участвовали в этой бойне, так сказать, с вашей стороны или они защищали президентский кортеж, стоящий перед вами?

– Что? – переспросила я, ничего не понимая. – Это вы о чем?

– О господи! – простонала Маринка. – Да все о том же! О чем же еще! О том, как нас с тобой чуть на тот свет не отправили Хаттаб Басаевич или – как его там? – Басай Милошевич, ну, короче, с бородой который!

– Ах, с бородой, – покачала я головой. – Ну да, ну да, с бородой, с одной деревянной ногой, на плече у него сидел попугай, который кричал: «Пиастры! Пиастры!» – а из цирка в это время на парашютах спускалась банда клоунов, и два из них вместо нас с тобой приехали в редакцию и сейчас притворяются один Олей, а другой Мариной...

Ромка хихикнул, Кряжимский опустил очки на кончик носа, а Маринка покраснела, но промолчала.

– Сергей Иванович, сбросьте, пожалуйста, вашу статью мне на дискету, я сама ее подправлю, – попросила я Кряжимского, который почти сразу понял, в чем дело.

Он мне кивнул и вышел из кабинета. Маринка разлила кофе, села на стул и с неудовольствием обозвала меня занудой. Я промолчала и взяла дискету из рук подошедшего Сергея Ивановича.

– Что мы знаем про наш цирк? – задала я вопрос для заправки.

Ромка честно пожал плечами, Маринка сделала вид, что задумалась над моим вопросом, хотя сама наверняка думала о том, какой я скверный товарищ, а Сергей Иванович тихо заметил:

– Во-первых, совершенно не очевидно, что эта история связана с цирком. Во-вторых... – тут Сергей Иванович замолчал, а Маринка решила развозмущаться:

– Ну как же неясно! Пришла машина, и люди из нее что-то выгружали. Причем несли в цирк. Я сама... Мы сами видели! А тут эти киллеры! А помните, что вчерашний придурок говорил?

– Откуда он может помнить? – прервала я Маринку. – Мы же только что встретились!

В двух словах я пересказала Сергею Ивановичу вчерашнее событие. Рот у Ромки раскрылся еще шире, Сергей Иванович, наоборот, нахмурился. Он обдумал услышанную информацию и негромко заговорил:

– Цирк – это большое предприятие, целое хозяйство, мастерские, клетки, загоны, сфера питания как людей, так и зверей, а кроме того – выступления популярных эстрадных артистов, а это деньги! И немалые! Кроме того, множество помещений, сдаваемых в аренду, и прочее, и прочее... Пока не получим хотя бы примерной информации о том, кто в кого стрелял...

– Да в кого стреляли, уже сегодня по телевизору скажут! – проявил свои умственные способности Ромка, а Сергей Иванович кивнул:

– Скорее всего так и будет... Так вот, пока мы не получим дополнительной информации, говорить о чем-либо преждевременно.

Глава 3

В тот день мы на работе уже в третий раз начинали пить кофе, и не знаю, как Маринка, а я считала, что жизнь почему-то перестала проходить стороной. Не только где-то по ту сторону голубого экрана происходили взрывы и пожары, какие-то скандалы и неприятности, но уже и у нас, причем на приличном среднем мировом уровне.

Ромка – наш курьер и самый младший член редакции – во время третьего кофепития для разнообразия сбегал в кондитерскую за печеньем и сочными и теперь сам их и грыз. Маринка берегла фигуру, у меня не было настроения, а Сергей Иванович – наш Брокгауз-Ефрон и Даль в одном лице – отказался от сладкого без комментариев. Одним словом, компания в редакции подобралась крепко сбита и дружная, потому что, когда было печально на душе у меня, скучали все, однако веселее от такой сплоченности не становилось.

– О чем еще интересненьком тиснем в завтрашнем номере? – задала я конкретный вопрос, понимая, впрочем, что одного только участия двух наших сотрудников, или, правильнее сказать, «специальных корреспондентов», в сегодняшних перестрелках хватит как минимум на неделю репортажей.

Но форму терять нельзя. Хорошо, конечно, что так произошло: здоровый журналистский цинизм давал о себе знать

– не убили, и слава богу, – но после того, как нервозность спала, можно было и подумать о том, что же еще можно было прописать в газете, кроме такого многообещающего происшествия.

Я задала вопрос, осмотрела коллектив и с неудовольствием отметила, что на мой вопрос ответить никто не может. Это было печально.

– И никто не приезжает в наш провинциальный град из политиков и бизнесменов? – сдерживаясь от зевка, спросила я.

– И даже не уезжает. Я имею в виду из заметных людей, – заметил Кряжимский.

– Может быть, придумать сенсацию, если она не происходит? – предложил Ромка, осторожно поглядывая на меня.

– Ну и? – лениво покосилась я на него. – Приведи пример.

– Да запросто. Сообщить, что к нам приезжает Мадонна с новым мужем и собирается дать два концерта по приглашению губернатора.

– Ой, бли-ин! – протянула Маринка. – А почему не Пол Маккартни?

– Если уж сочинять, то так, чтобы было правдоподобно, – заметила я. – Например, дать крупным шрифтом: «От нашего специального корреспондента»...

– «Мадонна на этой неделе в Тарасов не приедет», – тихо сказал Сергей Иванович.

– А ниже дать мелким: «И вообще она сюда не собирает-

сы!» – закончила Маринка.

Ромка захихикал, отчего у него изо рта полетели мелкие крошки печенья. Сергей Иванович скупно улыбнулся, а я опять едва не зевнула.

В это время зазвонил телефон. Я встала, подошла к нему и сняла трубку. Звонил Фима Резовский. Поговорив с ним несколько минут, я почувствовала, что настроение у меня начинает улучшаться – Фима на такие дела мастер. Положив трубку, я с победным видом осмотрела свой коллектив. Под моим взглядом все немного напряглись. Маринка забегала глазами по сторонам, покраснела и потупилась. Интересно, о чем она подумала?

Отложив пока то, что мне сказал Фима, я попробовала ковать железо, пока горячо.

– Все знаю, Мариночка! – сказала я. – Между прочим, с твоей стороны это свинство!

Я понятия не имела, о чем говорю, но весь Маринкин вид говорил о каком-то секрете, который ну просто-таки жаждет вырваться наружу. Я была наудачу, и у меня это получилось! Маринка покраснела еще больше, потом вдруг в ее глазах зажегся боевой огонек.

– Сволочь твой Фима! – крикнула она, раздувая ноздри, как кавалерийская лошадь, почуявшая врага. – Сволочь и болтун!

Мне от этих слов стало сразу же нехорошо. Не то чтобы я была очень уж против этого обвинения – Фима, конечно

же, болтун, но не сволочь, – однако Маринкина реакция породила во мне жутчайшее подозрение.

При чем здесь вообще Фима и Маринка? Уж не случилось ли между ними того, чего Фима безнадежно добивается вот уже несколько лет от меня? Я почувствовала, что краснею до самых корней волос.

– Фима не болтун, – медленно произнесла я. – Просто он честный человек.

Маринка откинулась на стуле назад и выпалила, понимая, что скрывать больше нечего:

– Я же по твоему лицу вижу, что он тебе все рассказал. А обещал молчать!

Самое ужасное предположение получало подтверждение, и я спешно обдумывала, как мне следует себя повести – холодно-равнодушно или же толкнуть речь о том, что человек одинок во Вселенной и верной дружбы не существует. Маринка не дала мне времени додумать и высказалась до конца:

– Мы с ним встретились в химчистке, и он мне дал честное слово, что не скажет тебе о том, что я посадила на твой лиловый костюм пятно!..

Я испытала прекраснейшее чувство облегчения, и даже известие про испорченный костюм прошло как-то стороной. Наверное, это нарисовалось у меня на лице, потому что Маринка внимательно посмотрела на меня и подозрительно спросила:

– А что он сказал?

Я махнула рукой, понимая, что нужно завязывать наш диалог, иначе моя пиррова победа обернется каким-нибудь неожиданным Ватерлоо.

– Потом расскажу, – демонстрируя великодушие, туманно ответила я и, обращаясь уже ко всей компании, объявила: – А почему никто не говорит о том, что у нас в цирке сегодня после вечернего представления, можно сказать даже, глубокой ночью, будет происходить собрание Тарасовского отделения Магического круга номер 166? Или я одна должна добывать новости для нашей газеты?

– Чего? – протянул Ромка и положил обратно на блюдечко кусок недоеденного печенья. – Колдуны, что ли, приехали? А почему же ночью? Это прикол?

Я промолчала, наслаждаясь своей победой.

Сергей Иванович снял очки и протер их стеклами платочком. Как старый и тертый зубр журналистики, он предпочел промолчать и дослушать информацию до конца. Маринка, отойдя от потрясения, вызванного мнимым предательством Фимочки, наоборот, молчать не стала.

– Кино такое будут снимать, да? – непонятно почему, предположила она. – Эльдар Рязанов приезжает или Рогожкин?

– А вот мы с тобой пойдем сегодня и все узнаем, – ответила я. – Фима приглашает нас, у него есть три билета. Кстати, скоро он и сам будет со свежими новостями по сегодняшней перестрелке.

Сделав это сообщение, я допила последний глоток из своей чашки. Ну а потом началось то, что и ожидалось. Я не первый день живу на свете и понимаю, что собираться куда-либо – это проблема та еще и здесь одной нервотрепкой не обойдешься, однако собираться выйти в люди с Маринкой – это такое испытание, что, например, добровольная вечеринка в компании с белыми макаками, куда меня звал в прошлый раз Фима, кажется просто детским лепетом, да и вообще – не то сравнение. Пятнадцати минут не прошло после того, как я сообщила, что мы идем в цирк, а мне уже не только не хотелось куда-либо идти, но и вообще кого бы то ни было видеть и слышать.

– Нет, подожди, ты мне скажи, – в сто пятнадцатый раз за десять минут приставала ко мне Маринка с вопросом, – он как сказал, это будет солидное мероприятие или свойская тусовка? Мне надевать черное парадное платье или что?

– Иди в чем есть, – лениво отвечала я, сама находясь в положении не лучше Маринкиного, но мне-то спросить совета было не у кого.

– Издеваешься? – начала подозревать подвох Маринка. – А сама в чем пойдешь? А? В чем?

– В костюме! – не выдержав, рявкнула я. – В деловом костюме, и никак иначе! Я даже переодеваться не собираюсь. Какая может быть свойская тусовка с колдунами? Если хочешь, можешь одеваться, как своя. Только ступу где возьмешь?

Маринка открыла рот и тут же прикрыла его, признав тем самым мою безусловную правоту.

Фима подъехал к шести вечера, к концу рабочего дня, когда мы с Маринкой уже успели и поругаться, и помириться, и все это даже не во второй раз. Я сидела в кабинете и рассматривала разложенные перед собою милые дамские мелочи, так необходимые в моем скромном быту: диктофон, фотоаппарат, сигареты. Дверь открылась, и в кабинет заглянул Фимочка.

– Ого! – воскликнул он. – Наши хищники-журналиги чистят свои арсеналы!

Фима вошел и аккуратно прикрыл за собою дверь. Он был одет, как обычно, в черное пальто и в темно-серый костюм с красным галстуком. Единственным отличием от повседневного имиджа было то, что Фима не держал в руках портфеля.

– Добренький вечерочек, Оленька, – запоздало произнес он и, пройдя в кабинет, сел в кресло у окна.

Не успела я еще ничего ответить, даже улыбнуться не успела как следует, как в кабинет влетела Маринка, боящаяся упустить хоть слово из той ценнейшей информации, которую, как она думала, сейчас начнет разбрасывать Фимочка, и сразу же выпалила:

– Фима! Это колдуны или фокусники?

– Кто? – Фима весело взглянул на нее и, улыбаясь, ответил: – Конечно же, фокусники, я же Оле все объяснил. У них что-то вроде курсов повышения квалификации, профсоюз-

ного собрания и показательного выступления одновременно. Три в одном флаконе. Аренда дорога, они решили сэкономить и собраться во внеурочное время. Вот и все, никакой романтики.

– Фокусники? – недоверчиво повторила Маринка. – А почему же магический круг какой-то? Или это все шуточки? Прикол?

– Никакого прикола, – ответил Фима, разваливаясь в кресле и наслаждаясь возможностью прочесть незапланированную лекцию профанам. – Существует как бы всемирный профсоюз или синдикат фокусников, иллюзионистов и представителей смежных профессий. Каждая страна по какой-то старой традиции называется Магическим кругом с порядковым номером. Наше разлюбезное отечество имеет номер 166. Вот и все. Во все времена фокусники для лучших сборов называли свое ремесло магией. И находились те, кто им верил. Вот как ты сейчас, например.

Пока Фима разглагольствовал, в кабинет просочился весь коллектив редакции, и кофейный столик был накрыт снова.

– Ну что, Ефим Григорьевич, – спросила я, приглашая гостя к столу, – а есть хоть какие-то новости по нашему делу?

– Про покушение на двух самых замечательных девушек тарасовской журналистики? – улыбнулся Фима и покосился на Сергея Ивановича. Наклонившись к нему, он с шутливым выражением лица прошептал: – А то, что я скажу, будет прописано как «из заслуживающих доверия источни-

ков нам стало известно» или «как сообщил нам высокопоставленный работник администрации, пожелавший остаться неизвестным», а?

– Если хотите, Ефим Григорьевич, могу полностью указать все ваши координаты, – серьезно ответил Сергей Иванович, – даже с домашним телефоном.

– Такой известности мне не нужно, – Фима шутливо погрозил пальцем Кряжимскому, – в таких вопросах предпочитаю оставаться в тени-с! Скромность, знаете ли, иногда бывает выгодна.

– То есть хочется побыть добрым гением, но без имени, – немного подольстилась я к Фиме.

Почему бы не сделать человеку приятное, если это почти ничего не стоит? К тому же Фима неоднократно на самом деле доказывал, что он может быть и добрым, и гением, и... ну, в общем, ясно.

– Так! – Фима взял печенье в одну руку, а чашку с кофе в другую. – Что нам известно? – с хорошо отработанной адвокатской интонацией произнес он и сам себе с таким же пылом ответил: – Да почти ничего, к сожалению. Слишком уж мало времени прошло после инцидента, но рад вам сообщить, милые мои дамы, что в глазах наших бдительных правоохранительных органов вы обе вне подозрения. У них даже не возникло мысли о вашем соучастии в этом происшествии.

– Приятно слышать, – ядовито сказала Маринка, – а то я

бы плохо спать начала, все думала, неужели меня подозревают в том, что это я начала стрелять!

– В этом вас не заподозрят, но в другом – могут! – Фима привлек наше внимание, не закончив фразы, и, весьма довольный собою, принялся кушать печенье, запивая его кофеком.

Пауза затянулась, все смотрели на него, а этот юридический паршивец, прожевав печенье, принялся многословно расхваливать Маринкин кофе. Послушав его немного, я не выдержала.

– Ефим Григорьевич, – заметила я, – создается впечатление, что вы хотите похитить у нас Мариночку...

Фима задумался, но только на секунду.

– С величайшей бы радостью, – он лицемерно опустил глазки на столик. – Прекрасный кофе у Мариночки, однако, как говорил кто-то другой в сходной ситуации: «Но я другому отдана и буду век ему верна»... Итак, на чем я остановился?

– На том, что нас заподозрят в другом! – рявкнула Маринка, окончательно потеряв терпение. – Я готова устроить вашей секретарше бесплатные курсы по варке кофе, если хотите, Ефим Григорьевич!

– Не стоит беспокоиться! – Фима понял, что тянуть больше не имеет смысла, да и становится опасно.

– Я слышал как-то одну высказанную мыслишку, как говорится, в кулуарах, о том, что вы, Оля, и вы, Мариночка,

попали в это место и в это время потому, что заранее знали или же догадывались о том, что должно было там произойти. Вот, пожалуй, на эту тему вас и могут немного попытаться раскрутить.

– И не такие пытались! – гордо заявила Маринка, даже не покраснев. Про себя того же не скажу, не знаю, не помню, но я бы так категорически утверждать не взялась.

– Так что же конкретно стало известно про это дело? – настойчиво спрашивала я, потому что понимала, как важно получить информацию поскорее. Сдача номера на носу, а Фима все риторические приемы отработывает...

– Значит, так, – наконец-то начал он. – Машина, на которой приехали двое стрелков, была угнана со стоянки напротив городской мэрии. Как ни странно, но эта стоянка оказалась, наверное, единственной в городе не охраняемой.

– Понадеялись на то, что смелости не хватит? – фыркнул Ромка.

– Вряд ли, скорее всего просто привыкли. Дело в том, что по документам на этом месте стоянки вообще быть не должно. Сначала поставил машину кто-то один, потом второй, а третий уже подумал, что так и нужно. Далее. Кто точно стрелял, неизвестно, но около машины обнаружен один автомат Калашникова и один пистолет «ТТ» без отпечатков пальцев... – Фима все-таки не удержался и, снова сделав паузу, обвел нас всех многозначительным взглядом. – А вот по кому стреляли, уже интересно. Дело в том, что машина, раз-

гружавшаяся напротив одного из служебных входов в цирк, а именно около третьего подъезда, ведущего в подвальные помещения, была арендована оргкомитетом Магического круга и на ней был привезен реквизит некоторых участников. Разгружали все это волшебное добрище штатные грузчики цирка, обычные в общем-то люди, ничем особым себя не запятнавшие.

– А не особым? – уточнил Ромка.

Я скупой улыбнулась, порадовавшись тому, что всегда, когда нужно, рядом со мною находится человек, задающий именно тот глуповато звучащий вопрос, который мне и самой очень хотелось бы задать, да положение не позволяет. Будучи начальником, надо стараться не оказаться в смешном положении. Если хватает сил.

– Ну знаете, молодой человек, – Фима выпил свой кофе и попросил у Маринки еще, – когда речь идет об использовании автоматического оружия, такие мелочи, как систематическое посещение вытрезвителя или осуждение на условный срок по молодости лет особого внимания не привлекают... Что-то здесь не то. Непонятно, зачем нужно было обстреливать грузчиков или реквизит, не представляющий никакой особой ценности? Все содержимое «КамАЗа» было, разумеется, изучено и ничего противозаконного не найдено.

– А откуда появились омовцы, словно рояль в кустах? – спросил Сергей Иванович.

– Это охрана цирка, – объяснил Фима. – Как раз в это вре-

меня проходил внеурочный дополнительный инструктаж подразделений, несущих охрану по договору с руководством. Омоновцы имели при себе штатное оружие, ситуация была ясной, и они это оружие применили. Одним словом, создается впечатление, что произошла ошибка. Покушались не на тех, кто был нужен. Лоханулись киллеры доморощенные, так сказать. Я, честно говоря, тоже так думаю.

– А чей конкретно это был реквизит? – спросила я, пытаюсь нащупать рациональное зерно в действиях налетчиков. В пошлую ошибку верить не хотелось, поэтому приходилось накапливать факты.

– Ты имеешь в виду, не было ли там известнейших иллюзионистов вроде Кио или Копперфильда, с которых можно бы что-нибудь скачать, если их напугать хорошенько? – ментально уловил ход моих мыслей Фима.

– Ну вроде того, – кивнула я, закуривая.

– Нет, это самые обыкновенные люди, артисты среднего звена, ничего выдающегося. Нельзя сказать, что бедные, но и не слишком-то преуспевающие... Так, – Фима посмотрел на свои наручные часы и затем – на меня. – Время приближается к назначенному. Так мы едем или как?

– Фамилии фокусников не помнишь? – быстро спросила я. – Или хотя бы сколько их было?

Фима поморщился:

– Четверо или пятеро. Фамилии слышал, а еще слышал их дурацкие псевдонимы. Чушь какая-то вроде Сикамбр, Аяв-

рик... Одним словом, если тебе нужно, то прямо в цирке и узнаем. Дежурным администратором там – мой старинный приятель. Короче, едем?

– Короче, да! – ответила я, понимая, что тянуть больше нет ни смысла, ни времени.

Договорившись с Сергеем Ивановичем, что он закроет редакцию, мы с Маринкой вышли и чинно уселись в ядовито-зеленую «Ауди» Фимы.

– Если меня сейчас увидит кто-нибудь из знакомых, – пожаловался в пространство Фима, – мне будет страшно возвращаться домой.

Я сделала вид, что не расслышала, а Маринке и делать вида не пришлось. Ей вдруг померещилось, что у нее потек левый глаз, и она, вынув зеркальце из сумки, продемонстрировала свое полное отсутствие в салоне. Фима, не дождавшись реакции на свои слова, вздохнул и надавил на газ.

Здание цирка, расположенное почти в центре города, выглядело, как всегда: только по причине нескончаемых зимних праздников сверкало и подмигивало разноцветной иллюминацией. Немного возбужденная воспоминаниями, я тщательно осматривала окрестности, словно собиралась увидеть выпрыгивающих из темноты убийц, но ничего подобного не произошло. Если кто и шлялся рядом с цирком, так это встречающиеся парочки, традиционно назначившие здесь свидание. Фимочка поставил свою «Ауди» во дворе, почти напротив хорошо знакомого мне служебного подъез-

да, и, выйдя наружу, проворно обежал перед фейсом своей иномарочной подруги, распахнув передо мной дверь.

– Прошу вас, мадемуазель, – подчеркнуто церемонно произнес он.

Такую же операцию Фима проделал и с Маринкой, но эта швабра не удержалась, чтобы не повыпендриваться. Она изобразила на личике замешательство и повисла на руке Фимы, пугливо озираясь. Просто поразительно, на какие дешевые трюки ловятся эти мужики, особенно считающие себя очень умными!

– Ты уверен, что стрелять не будут? – прощebetала Маринка, судорожно засопев и пытаясь изобразить, что не в силах преодолеть свою внутреннюю дрожь.

– Вы же со мною, милые дамы, – расшаркался Фима, ощущая себя большим и сильным. – Вас охраняет даже не цветик, а цвет тарасовской адвокатуры, поэтому, если сами не захотите, ничего с вами не произойдет.

Мы прошли к зданию, и, после преодоления тяжелой деревянной двери, Фима, немного задержавшись, вынул из кармана три пригласительных билета.

– А что, билеты достать было трудно? – поинтересовалась я, разглядывая совершенно непрезентабельные на вид бумажки.

– Кому как, – очаровательно улыбнулся Фима. – Мне – не очень. Шпрехштальмейстер цирка мой старый знакомый. Я его попросил, и он оказал мне любезность.

– Кто-кто? – спросила Маринка. – Какое слово ты сказал?

Маринка подумала и на всякий случай решила смутиться. В общем правильное решение, потому что Фима при случае мог высказаться и похлеще, но на этот раз все оказалось гораздо прозаичнее.

– Шпрехшталмейстер, Мариночка, – пояснил Фима, – это название должности того мужика, который объявляет цирковые номера. Только и всего.

– Я почему-то именно так и подумала, – достойно ответила Маринка. Не знаю, как Фима, но я ей совершенно не поверила.

Этот шпрех... мех... одним словом, конференсье, оказавшийся толстым лысым дядечкой, одетым в хороший костюм, повстречался нам почти сразу же после того, как мы миновали пост, охраняемый скучным дедушкой, проверяющим билеты. Очевидно, по причине позднего времени на эту опасную работу бабушек решили не выделять.

– Ефим Григорьевич! – воскликнул этот конференсье, словно он тут стоял в томительном ожидании как минимум со вчерашнего утра.

– Вот, Аркадий Павлович, привел вам прессу, – деликатно предупредил его Фима, пожимая протянутую руку. – Ваше детище нуждается в рекламе?

– Ой-вей! – вздохнул Аркадий Павлович, шутливо взмахивая пухлыми ручками. – Мое детище если в чем и нуждается, так только в порке, но этот метод уже опоздал, а цирк,

конечно же, всегда рад, всегда рад...

Не переставая бормотать эту фразу и постепенно переходя на пианиссимо, Аркадий Павлович повернулся к нам с Маринкой и очень внимательно обшарил нас обеих взглядом снизу доверху, а потом еще, кажется, и в диагональном направлении.

Я на секунду прикрыла глаза, чтобы успокоиться, и, дождавшись, когда этот шпрыхмастер представится, коротко назвала себя:

– Ольга.

Маринка, испытывая чувство, близкое к моему, буркнула свое имя и засмотрелась куда-то в сторону, а Аркадий Павлович обратился ко мне:

– Очень, очень приятно познакомиться, – довольно-таки правдоподобно произнес он и тут же поинтересовался: – А какой, простите за выражение, орган вы представляете? «Тарасовские будни» или...

– Или, или, – перебил его Фимочка. – Это редакторы самой авторитетнейшей газеты нашего стольного града. Про «Свидетель» слышали?

– Ах вот как! – Аркадий Павлович еще раз посмотрел на нас и осторожно спросил: – А вы здесь по долгу службы, девушки?

Фима взял его под руку, и не успела я даже рта раскрыть, как он перебил Аркадия Павловича своим вопросом:

– А я здесь по долгу службы или потому, что ты меня при-

гласил? И не приставай к девушкам! Или, если все-таки хочешь приставать, действуй не таким методом. Это же журналюшки, к ним особый подход нужен.

– Понял, – напряженно разулыбался Аркадий Павлович. – Так бы сразу и сказал. – И, обращаясь уже к нам, потеряв ладони, предложил: – Ну что ж, прошу к нам в гости. Добро пожаловать!

Он щелкнул крышкой карманных часов и скороговоркой проговорил:

– Зал вон там, надеюсь, сегодняшнее мероприятие вас не разочарует. Начало через двадцать минут. Первые полчаса – официальная скукотища, потом показательные выступления в порядке обмена опытом.

Я решила максимально использовать сложившуюся ситуацию – знакомство с должностным лицом входило в мои тайные планы, но я и не предполагала, что это произойдет так просто и обыденно.

– А вы знаете, Аркадий Павлович, что мы с Мариной сегодня, можно сказать, стали участниками этой истории с перестрелкой?

– Оля хочет сказать, – тут же влез с разъяснениями Фима, – что это именно они те девушки, которые оказались... мгм... между...

– Да что вы говорите! – воскликнул Аркадий Павлович и бросил быстрый опасливый взгляд на Фимочку. – Примите мои самые искренние соболезнования. Какой ужас! Вы аб-

солютно правы, какой ужас!

У меня возникло подозрение, что Аркадий Павлович хочет удрать, и я добила его милой просьбой:

– А можно, мы зададим вам несколько вопросов?

Аркадий Павлович соорудил такое выражение лица, что было ясно – ему будет гораздо приятнее сходить к стоматологу, чем разговаривать с двумя милыми девушками.

Он уже собрался было в этом признаться, но тут на помощь ему, да и нам, снова пришел Фима.

– Ох, уж эти журналисты, никогда не упустят шанса залезть вам в душу! – простонал он, хитро улыбаясь.

– Увы, да, – осторожно согласился Аркадий Павлович, не понимая, куда гнет Фима.

Я сама это поняла не сразу, а уж, кажется, должна бы знать обо всех его ухищрениях.

– А не ответишь на их простенькие вопросы, еще обидятся, – продолжал Фима, качая головой, – да и напечатают что-нибудь... не то, что бы хотелось.

Я уже открыла рот, чтобы возмутиться такому нечистоплотному поклепу, но Аркадий Павлович опередил меня.

– А может быть, вы хотите побольше узнать о сегодняшнем мероприятии? – спросил он. – Тогда давайте пройдем ко мне в кабинет, выпьем по бокальчику минералочки... Пока, кхе-хе-хе, рак на горе не свистнул... я про звонок.

Маринка, утомившись молчанием, что, по ее мнению, было унизительно, оскорбительно и глупо, тут же высказалась:

– Готова говорить с вами даже до третьего свистка!

Фима взял ее под руку и повел, очевидно, прекрасно зная, в каком из местных коридоров прячется кабинет шпрых-шталмейстера.

Аркадий Павлович, вынужденный вследствие этого маневра подать руку мне, подчинился неизбежному.

Глава 4

Кабинет, куда нас привели наши кавалеры, находился в конце полутемного коридора, расположенного черт знает где и ведущего черт знает куда, потому что следующей дверью, расположенной за кабинетом, оказался еще один коридор.

– А почему бы вам не усилить освещение? – задала я естественный вопрос, озадаченная редкостью горящих в коридоре лампочек.

– Лампочки не горят, потому что некий господин Чубайс нашел для себя еще один способ повоевать в одиночку против всей страны. Илья Муромец нашего времени, прости господи.

Кабинет Аркадия Павловича оказался самым обыкновенным, с двумя большими столами, несколькими креслами и высокими окнами, выходящими во двор.

– Ну те-с, что вас интересует? – с тяжким вздохом спросил он, усаживаясь за стол в центре и жестом приглашая нас сесть, где нам самим захочется. – Хотя, должен вам признаться, сам теряюсь в догадках и, как и вы, пал жертвой, можно сказать, этого прискорбнейшего случая.

– Как это «пали»? – заинтересовалась я, доставая из сумки пачку сигарет и незаметно включая лежащий там диктофон.

– А я, голубушка моя, в тот момент, когда началась вся эта катавасия, за каким-то чертом, прошу прощения, тоже

вышел во двор. Не сиделось мне спокойно! – Аркадий Павлович со скрипом выдвинул ящик стола, и пред очами гостей предстала ополовиненная двухлитровая бутылка «Аква минерале». – Я решил поторопить наших грузчиков. Вышел, попав в самый эпицентр, и – совершенно не стыдно мне в этом признаваться, совершенно не стыдно! – залез под «КамАЗ», спрятавшись за колесо. Кажется, за левое среднее.

Аркадий Павлович рассмеялся и выставил рядом с бутылкой три стакана.

– Если бы не моя прыгучесть, не разговаривать бы мне с вами сейчас, – закончил он.

– Так каково же ваше мнение по этому поводу? – спросила я и закурила. – Кто стрелял, по какой причине и, извините, по кому конкретно?

Аркадий Павлович развел руками и покачал головой.

– Сегодня меня уже мучили этими же вопросами в РО-ВД. Если бы я знал, Оленька! У меня голова забита совсем другими делами, и конца им нет. Сами видите, Чубайс свет отключает, скоро змеи приедут с ящерами, а у них, как мне сообщили, не все в порядке со справками; в конюшнях крыша течет, овес еще не завезли, людей не хватает... С овсом еще что! В начале месяца приезжает труппа из Махачкалы, а там джигиты Магомедовы, слышали? Платят за корм лошадям они, но я должен приготовиться к их приезду! Слава богу, что слонов они с собой не везут! Зимой достать для слонов фураж – это ж целая эпопея, хотя они в наших услови-

ях и гречку жрут за «спасибо». Однако, надо признаться, не очень охотно, сволочи.

Удивленная известием о слоновьей неблагодарности, я промолчала, собираясь с мыслями. В этот момент произошли два события. Во-первых, зачирикал сотовый в кармане у Фимы; а во-вторых, в дверь постучали и сразу же в нее вошли двое мужчин. Эта была та еще парочка. Я, по крайней мере, никак не ожидала увидеть в нормальном кабинете что-либо подобное, и пришлось срочно вспомнить, что я все-таки нахожусь в цирке.

Первым вошел представительный джентльмен приблизительно сорока лет в замечательном смокинге, но в чалме на голове. Из чалмы торчало длинное перо, закрепленное у основания большим красным камнем. Джентльмен курил сигару и разговаривал по сотовому телефону. Вторым был молодой парень лет двадцати пяти – именно «парень», потому что был одет в подчеркнуто русский или белорусский – я не очень-то разбираюсь в прикладной этнографии – костюм и держал в руках открытую банку пива.

– А вот и наши ведущие, так сказать, представители жанра и по совместительству члены главного совета Магического круга, – выпалил Аркадий Павлович, испытывая необъяснимую радость по поводу вошедших, словно разговаривать с нами ему было неинтересно.

Странные мужчины в этом цирке... Или, может быть, колесо «КамАЗа» так повлияло на нашего хозяина?

Нас представили вошедшим. Имена их звучали столь же занимательно, сколь и выглядели они сами. Джентльмен откликнулся на слово Сикамбр, а парубок на Аяврика. Это были те самые псевдонимы, которые называл Фима. Маринка забыла закрыть рот, когда все это услышала, а я бросила рассеянный взгляд на Фиму. Но тот весь ушел в разговор по телефону и только пожимал плечами в ответ на мои взгляды, давая понять, что его сейчас лучше не трогать.

Аркадий Павлович стремительно попытался перевести разговор на нейтральную для него тему:

– Вот, кстати, девушки, если вас интересуют подробности сегодняшнего мероприятия, то, господа, полагаю, с удовольствием ответят на все ваши вопросы.

– Аркадий Павлович, есть несколько моментов, – Сикамбр наклонился к нашему хозяину и что-то прошептал ему на ухо.

Я заметила, как дрогнули брови переставшего улыбаться хозяина кабинета и он, нахмурившись, закрутил в пальцах карандаш.

– Аяврик, дорогой, не введешь ли в курс дела этих двух милых девушек? – обратился он к парубку, не решавшемуся допивать свое пиво в такой смешанной компании. – Это пресса, с ними нужно общаться бережно и доверительно.

– Я вижу, это замечательно симпатичные девушки, – шаркался Аяврик. – А то, что они пресса, только добавляет им изюминку.

– Покажи им что-нибудь из реквизита и поговори на тему мероприятия, – довольно бесцеремонно надавил на парубка Аркадий Павлович, и было заметно, как он старается поскорее избавиться от нас и остаться вдвоем с Сикамбром.

Фима к этому времени закончил свои переговоры и, озадаченно почесывая затылок, объявил, что теперь-то он свободен и отвлекаться больше не будет. Вид у него был такой взъерошенный, что я сразу же заподозрила – опять семейные разборки, но он отказался говорить на эту тему.

– Прошу вас, девушки, – предложил Аяврик. – Не волнуйтесь, я справлюсь с обеими! – сделав этот двусмысленный комплимент, Аяврик гордо посмотрел на нас, очевидно, ожидая или восторженных вздохов, или приступа смеха.

Дождался он, правда, только легкой улыбки, и – от кого?.. Правильно, у меня с юмором все нормально. Я ответила, что не сомневаюсь в его способностях, но на всякий случай беру с собою кавалера. И подала знак Фиме. Упаковав свой телефон в карман, он встал, приготовившись к новым подвигам.

Аяврик повел нас по тому же коридору, по которому мы только что проходили, Фима влачился следом. Не успели мы выйти из кабинета, как дверь за нами закрылась, и я услышала, как поворачивается в замке ключ.

Мы спустились по ближайшей лестнице вниз и оказались в огромном помещении, заставленном различными коробками, ящиками и узлами.

– Было бы побольше освещения, – независимо сказала

я, – здесь показалось бы даже уютненько. Шкафы, ящики довольно-таки миленькие...

– А со светом здесь всегда проблемы, сколько себя помню, – проговорил Аяврик, неодобрительно косясь на Фиму, мрачно вышагивающего за мною. – Раньше еще пытались что-то сделать, электриков гоняли, меняли проводку, а потом махнули рукой. И правильно, какой смысл копошиться, когда все равно будет полумрак, а вот закончится полнолуние, и снова со светом – никаких проблем.

– А при чем здесь полнолуние? – спросила Маринка, и я услышала, как задрожал ее голос. – Аркадий Павлович нам сказал, что это Чубайс лампочки вывернул.

Аяврик рассмеялся.

– А что он еще мог вам сказать? Что это зеленые человечки на тарелочке прилетали и выкрутили половину лампочек? Он же должностное лицо и при исполнении, а вы – пресса, подумаете еще, что он или слабоумный, или над вами издевается, и пропишете в своей газете. Как она, кстати, называется?

– «Свидетель», – ответила я, опираясь на руку молчащего Фимы. Ему, кажется, разговоры Аяврика даже доставляли удовольствие, по крайней мере слушал он внимательно.

Мы повернули за угол и тут же почувствовали сильную вонь, а потом перед нами открылось еще более просторное, чем предыдущее, помещение, сплошь заставленное пустующими вольерами и клетками.

– Здесь у нас, так сказать, общежитие наиболее дорогих животных тех труп, которые приезжают на гастроли, – объяснил Аяврик. – Сейчас зима, не сезон, зверья возят мало, а летом здесь можно встретить кого угодно, от дикобразов до лам. Впечатляет? – Аяврик с таким видом осмотрел нас с Маринкой, словно взвешивал, выдержат ли наши скромные девичьи мозги великую тайну, которую он собирается нам доверить.

– Понимаете ли, девушки, мы, маги, не просто так выбрали себе именно этот цирк для нашего ежегодного... мгм... шабаша, или, говоря культурно, ассамблеи. – Аяврик повел нас мимо пустующих, но вонючих клеток куда-то в новые палестины, приобнимая Маринку за плечи. – Этот цирк стоит на так называемом нехорошем месте, причем традиционно нехорошем, даже исторически плохом, – продолжил он свою лекцию и, повернув влево, вывел нас к открытому складу манекенов. – Это место – наследие древнейших времен, – провозгласил Аяврик, почему-то показывая рукой на огромную слоновью голову, сделанную из пластмассы не раньше чем с десяток лет назад, – того периода предыстории, когда еще богов не было, даже самых простых и примитивных. Тогда здесь носились свободные духи в хаосном бульоне магмы и безвременья...

– Красиво излагаете, – похвалила я, прерывая этот бред. – Если вам надоест дурить людей или будет угрожать кризис жанра, приходите, я вам подыщу работу, будете заполнять

последнюю полосу. А Маринка станет вашей руководительницей. Научной.

– Спасибо за великодушное предложение, – улыбнулся Аяврик, – но, к сожалению, я себе не хозяин. Магия – это вся моя жизнь.

– Аяврик, – полупростонала-полупропела Маринка, – а что вы там говорили про нехорошее место в бульоне?

Я фыркнула, Фима захрюкал, еле сдерживаясь, а Аяврик наклонился к Маринке, однозначно выбрав ее как свою будущую жертву, и продолжал вешать нам на уши свою злостную лапшу.

– Здесь раньше было древнее святилище, капище, кумирня, кельтско-друидская синагога, – небрежно сказал он, застенчиво покосившись на Фиму, но тот вежливо сделал вид, что слово «синагога» впервые слышит, и даже не моргнул.

– Все это происходило еще до арийского нашествия, – мягко продолжил Аяврик. – Арийцы, как вам, конечно же, известно, пришли с далекого Севера. Они выгнали или уничтожили местное негроидное население и сделали свое святилище Агни, потом это место при христианстве долго служило лобным, то есть тут совершались казни, ну а сейчас здесь цирк, как вы видите, но, но!.. – Аяврик понизил голос почти до шепота и оглянулся назад, словно та мерзючая макака, мимо которой мы уже проходили, могла незаметно подкрасться сзади.

Честное слово, мне самой даже стало как-то неудобно, что

ли, ну а о Маринке и говорить не приходится: девочка была перепугана до дрожи в коленках.

— Что «но»? — спросила я, стараясь говорить максимально холодным и скептическим тоном. — Что значит «но»? Казнят иногда по-прежнему, что ли? А потом скормливают отходы производства хищникам?

— Нет, нет, Оленька, — глумливо улыбнулся Аяврик. — У хищников рацион особый и выверенный, он под самым строгим контролем ветеринаров. К сожалению, должен сказать, что любая гадина на выбор из тех клеток стоит дороже человека. Я имею в виду...

— Поняла! — отмахнулась я.

— А хотел я сказать, — продолжил Аяврик, — про то, что постоянно в полнолуние у нас здесь случаются разные странности. Ну то, что свет отключается, это уже не странность, потому что все привыкли. А вот, к примеру, иногда бывает так, что идешь темным коридором, — в этот момент мы как раз свернули в очередной такой коридор и стало очень неприятно, несмотря на весь мой скептицизм, — бывает, что видения покойников возникают, и все в странных одеждах или позах... Сами понимаете, какие тысячелетия ужасов тут лежат под нами...

— И вокруг нас, — искусственно зевнув, произнесла я.

— И вокруг нас, — охотно согласился Аяврик, — вот, кстати...

Не знаю, что он хотел сказать или показать, но так полу-

чилось, что Аяврик взмахнул рукой влево, и именно слева, словно из стены, вдруг вывалилось нечто, показавшееся мне огромным и нелепо раскрашенным, а потому жутко страшным чучелом женщины.

– А-а-а-а! – заорала Маринка и присела на корточки.

Я же сохраняла вид совершенно невозмутимый, но от неожиданности не в силах была даже пошевелить языком. Неприятное зрелище! Фима вышел вперед, прикрыв меня своей спиной, и откашлялся. Это был почти подвиг, надо признаться, и я его оценила. Правда, потом.

– Привет, Марго, – поздоровался Аяврик с привидением, и в этот момент я почти поверила ему.

Почти – потому что не успела этого окончательно сделать, так как привидение сказало застенчивым голосом:

– Здравствуйте. Сережа, у тебя сигаретки не найдется?

– Привет, Марго, – жизнерадостно повторил маг Аяврик, оказавшийся для своих коллег всего-навсего Сережей, и полез в карман своих красных шаровар.

Привидение подошло на шаг ближе и оказалось, во-первых, на самом деле женщиной, а во-вторых, такой же русско-народной клоунессой, как и Аяврик, одетая в темно-красный сарафан и в расписной кокошник. На ее лице было то, что назвать макияжем было бы нельзя, а дурацким клоунским гримом – нескромно, хотя так оно и было на самом деле.

– Здравствуйте, – слегка запинаясь, сказала я. – А вы тоже

из руководства Магического круга?

– Я? – удивилась Марго, закуривая и разгоняя ладонью дым. – Я и есть этот самый круг, а разве незаметно? Слушай, Аяврик, а почему здесь темно, как в заднице у негра? Опять пробки перегорели?

Аяврик кашлянул и представил нас своей знакомой.

Марго оказалась не клоунессой, как можно было бы предположить с первого взгляда, а какой-то «комедианткой-иллюзионисткой», как жеманно пояснила нам. Что означало сие словосочетание, не знаю, но подозреваю, что это все равно клоунесса, только с фокусами.

– Экскурсию проводишь? – спросила Марго, с интересом рассматривая Маринку, которую Аяврик бережно поглаживал по плечу.

Девушка, засмущавшись, сделала вид, что ей все очень интересно – и поглаживание, и сама ситуация.

– Ага, Палыч попросил, – признался Аяврик. – А по поводу света...

– Да и так ясно, – пренебрежительно отмахнулась Марго. – Палыч, этот козел старый, все кроит и жадничает вовремя платить по счетам, вот ему и отрубают напругу. Слава богу, не первый год здесь кантуюсь, окрестности знаю, лоб пока не расшибла, но сроду такой темени не бывало. – Марго подхватила нашего гида под руку и отвела на пару шагов в сторону.

– Я сейчас... на минуточку, – объяснил Аяврик.

Однако его «минуточка» оказалась длиннее нормальной минуты. Я видела, как Марго что-то принялась ему рассказывать шепотом, постоянно показывая пальцем себе на грудь. Маринка подошла и вцепилась мне в руку.

– Ты как себя чувствуешь? – спросила она. – Мне что-то не по себе.

Я в ответ только пожала плечами. Тогда Маринка повернулась к Фиме, но тот, сдаваясь, поднял ладони вверх.

– Понятия ни о чем не имею, – честно признался он. – Не знаю, не понимаю, но впечатление производит. Особенно про друидов.

С озабоченным лицом Аяврик вернулся к нам и, хмурясь, пробормотал, что, к сожалению, его срочно вызывают в оргкомитет.

– Если пойдете прямо, никуда не сворачивая, то выйдете прямо к лестнице, подниметесь по ней вверх и попадете в зал, – ободряюще сказал он и, пожав руку Фиме, ушел со своей клоунессой.

Фима взглянул на часы.

– Кстати, нам пора, – сказал он, – а то пропустим все, что там будет интересного. И не о чем вам будет пописывать в газетке.

Мы пошли в том направлении, куда указал Аяврик, и вскоре попали в зал. Он был полупустой и на удивление тихий. Мы заняли свои места, и тут погас свет.

Глава 5

Луч прожектора, пометавшись по своду потолка, опустил-ся вниз на арену, и я увидела Аркадия Павловича в смокин-ге и с микрофоном в руках. Вступительная речь его заняла немного времени, и мне показалось, что шталмейстер то и дело посматривает на меня.

Я наклонилась к Фиме, сидящему слева от меня, и спро-сила, сколько времени продлится официальная часть и когда начнутся фокусы.

– Да дело тут не в фокусах, – ответил он. – Я же преду-преждал, что это у них типа профсоюзного собрания... Ну а если совсем честно, то понятия ни о чем не имею.

Аркадий Павлович закончил разливаясь соловьем и ушел, уступив арену нашему новому знакомому с прихотли-вым именем Сикамбр. Тот поверх смокинга накиннул еще и длинный плащ, отчего смотрелся еще загадочнее, и, не затя-гивая процесса, сразу же начал с того, чего мне так хотелось. Он показал несколько несложных фокусов с исчезновением и появлением своей чалмы, потом разъяснил, как это все де-лается, и обратился к публике, вызывая добровольцев.

Совершенно неожиданно для меня вверх потянула руку Маринка, очевидно решившая в этом сборище стать цен-тром внимания. Однако Сикамбр, лишь равнодушно скольз-нув по ней взглядом, пригласил из зала какую-то даму, оде-

тую, словно шемаханская царица.

– Блин! Ну что ты поделаешь? – огорчилась Маринка и надула губки.

– Надо делать выводы, – философски заметила я. – Тебе не кажется, что пора сменить имидж? Видишь, как мужики кидаются на нестандартные гардеробы?

– Пошла к черту, – грустно сказала Маринка и задумалась.

– Зря ты так говоришь, Мариночка, – вмешался в разговор Фима. – Не забывай, в каком обществе сейчас находишься. Он здесь особенно внимателен.

– Да кто он? – переспросила Маринка, не отрывая глаз от арены.

– Да черт же, кто ж еще?! – улыбаясь, пояснил Фима.

Маринка засопела, но промолчала.

Дама вышла на арену, из-за кулис на колесиках выкатили высокую металлическую клетку, приподнятую на платформе от пола приблизительно на метр. Сикамбр завел даму в клетку, две ассистентки накрыли клетку тканью, Сикамбр сказал что-то вроде «крекс-фекс-пекс» и сдернул тряпочку. Дамы в клетке уже не было, она исчезла.

Маринка охнула и зааплодировала, зал ее нехотя поддержал, после чего Сикамбр уже под более бурные аплодисменты зала обнаружил свою даму, сидящую в первом ряду совсем недалеко от нас.

Когда Сикамбр стал рассказывать про то, как он все это сделал, то получалось совершенное надувательство. Клетка,

как оказалось, выезжала на особой конструкции, между четырьмя ножками которой были установлены зеркала под наклоном внутрь, поэтому создавалось впечатление, что между ножками ничего нет – ведь там отражался пол. Дама, исчезнувшая в клетке, вовсе не исчезла, а провалилась в ящик под клетку и потом вылезла оттуда, а та, которая сидела в зале, просто была на нее очень похожа и одета так же.

Не знаю, как Маринке, а мне стало даже обидно – всю жизнь веришь в чудеса, а потом все оказывается секретным ящичком и женщиной, свернувшейся в нем калачиком.

– Ну а теперь, дорогие коллеги, – объявил Сикамбр, размахивая руками, словно он на самом деле невесть какой волшебник, – я продемонстрирую почти такой же номер, только с небольшим усилением. Уже пострадавшую от меня даму я беспокоить больше не буду, а приглашу кого-нибудь другого... На этот раз постороннего человека!

Маринка обиженно засопела, а я в это время смотрела на арену и заметила, что Сикамбр движется в нашем направлении. – Посторонний человек в их номер и не попадет, – продолжала бухтеть Маринка. – Они знаешь как боятся посторонних!

– Угу, – ответила я, кивнув, – догадываюсь.

И в этот момент Сикамбр вплотную подошел к нам, перешагнул через ограждение арены и дотронулся до плеча Маринки.

– Ой! – вздрогнув, воскликнула она. – Вам чего?

– Вы хотели поучаствовать, – поклонился ей Сикамбр и очень недобро усмехнулся. – Прошу вас, окажите мне любезность!

Маринка, приоткрыв рот от удивления, встала и растерянно оглянулась на меня. Я пожалала плечами, но на всякий случай вцепилась в руку Фимы. В отличие от Маринки, я во все не жаждала запаковываться в клетку, а потом, скрючившись, оказываться под ней. Маринка сделала шаг к арене. Сикамбр, киношным жестом подставив руку, помог ей взобраться на ограждение и снова повернулся к залу.

– А, пожалуй, в этом опыте могут принять участие и две девушки, – задумчиво произнес он и спросил у Маринки подчеркнуто вежливо и громко: – Ваша соседка, наверное, захочет составить вам компанию? Вы как думаете?

Маринка, проявив незаурядную скорость реакции, вскрикнула весело и радостно:

– Конечно же, захочет! Оля, иди, иди сюда!

Оказавшись в глупейшем положении по вине моей дорогой подружки, я смирилась с ее неизбежной глупостью и встала.

– Ты только не первой проваливайся, чтобы падать было мягче, – мило пошутил Фима, кладя к себе на колени мою сумочку.

Я подавленно промолчала.

В отличие от Маринки, я не видела ничего замечательного в том, что на меня сейчас будут устремлены сотни глаз,

а в собственных глазах я буду выглядеть сущей дурой. Перспектива не радужная! Однако делать нечего, я тоже встала, подавив огонек ненависти, который, как я чувствовала, уже зажегся в моих глазах. Опершись на руку Сикамбра, я взгромождалась на бордюр, а потом прыгнула на арену.

Сикамбр, размахивая руками, отчего полы его плаща начали развеиваться с самым смехотворным эффектом – так в ТЮЗе на детских спектаклях артисты изображают ветер, – пригласил нас войти в клетку.

Маринка принялась подталкивать меня вперед. Я решила все вытерпеть и молча поднялась первой, встав внутри клетки. Увидев, что со мною ничего страшного не произошло, она счастливо разулыбалась, заскочила следом и, повернувшись ко мне спиной, зачем-то помахала зрителям.

– Прощаешься, что ли, подруга? – мрачно спросила я, тоже вынужденная улыбаться, как дурочка.

Я разглядела в зале Фиму и кивнула ему. Тот поднял вверх большой палец и широко улыбнулся. Интересно, он что же, считает меня героиней? Этого не хватало.

Сикамбр тем временем запер нашу клетку и подергал дверь, показывая залу, что она заперта надежно. После этого по зову Сикамбра из-за кулис – или как это здесь называется, не знаю, – подбежали две девочки с шелковым покрывалом в руках и с помощью Сикамбра закрыли всю нашу клетку – сверху донизу.

В последний момент, перед тем как закрыть от нас белый

свет в виде темного зала, Сикамбр на секунду прижался к прутьям клетки:

– Все будет нормально, не волнуйтесь, Ольга Юрьевна.

– Жить-то будем? – брюзгливо спросила я, изображая из себя невозмутимую спартанку.

– А смысл? – спросил Сикамбр и скрылся за шелком.

– Что он сказал? – прошептала Маринка.

– Он сказал, что из нас двоих выживет только одна, – с досадой ответила я, чувствуя себя немного выбитой из колеи дурацкой репликой Сикамбра.

– Как это «только одна»?! – Маринка собралась развить свою мысль, но тут музыка в зале оглушающе рывкнула, пол под нами раскрылся, и мы с Маринкой, обнявшись, как две сиамские близняшки, провалились куда-то вниз, приземлившись на что-то мягкое и пружинящее под нами. Это была сетка, натянутая над полом. Крышка люка сверху закрылась. Вокруг царил полумрак.

– Ты довольна, мать? – злобно спросила я, пытаюсь выбраться из сетки и запутываясь в ней то каблуком, то руками.

– Могло получиться и хуже, – высказала безусловную истину Маринка, и я даже не стала возражать. Зачем, если она и сама все понимает?

Кое-как мы выбрались из сетки, точнее говоря, выбралась одна я, а Маринка, покрутившись и повздыхав, просто сумела вывалиться из нее. Всегда у нее так, счастливая! Поднявшись на ноги и кое-как отряхнувшись – сетка оказалась

пыльной, – мы осмотрелись.

– Ну и что же будет дальше? – спросила я больше у себя, чем у Маринки. – Нужно искать выход из этого подвала.

– Да уж, – проворчала Маринка. – А обратно нас разве не затянут?

– В клетку, что ли? – воскликнула я. – Без меня, подруга. По твоей милости я уже покувыркалась, больше не желаю!

Маринка промолчала, продолжая оглядываться. Я тоже осмотрелась. Мне показалось, что тут мы уже были сегодня. Хотя этот подвал, наверное, в любом месте вызывает ощущение, что вы его уже видели, и не один раз.

Помещение, в котором мы оказались с любезной подачи Сикамбра и Маринки, представляло собою большой квадрат, площадью примерно в сто метров. Он явно служил складом реквизита. Вдоль стен, громоздясь друг на друга, стояли деревянные ящики, крашенные разными красками, из-за них торчали никелированные велосипедные конструкции разной высоты и разного дизайна. Наверное, на лилипутов и великанов. Все это было, конечно же, интересно, но не настолько, чтобы оставаться здесь на всю жизнь.

Я высморкалась в платочек и решила, что эта сволочь Сикамбр еще заплатит за свой подлый фокус весьма неслабо.

– Где выход в зал, как ты думаешь? – спросила меня Маринка.

– Это там, – ответила я, показывая пальцем в одну сторону, где ящики сходились вместе не до конца и между ними

виднелся проход. — Или с другой стороны, — я небрежно качнула головой. — Интересно только, никто не выскочит?

— Ты что же, не поняла, что ли? — воскликнула Маринка. — Тут только один люк из зала, видишь, больше сеток нигде нет.

— Сеток нет, верно, — хмуро подтвердила я Маринкино наблюдение. — Можно считать, что нам повезло — хоть что-то мягкое подстелили, перед тем как сбросить...

Маринка промолчала, и мы вполне бодрой походкой направились к проходу между ящиками, зашли в него и оказались в коридоре, куда выходили проходы из каких-то следующих помещений.

Первое же справа оказалось скорее всего местом, где обычно держат опасных пресмыкающихся: мелкосеточные вольеры самого различного размера занимали всю небольшую комнату.

Мы с Маринкой переглянулись и постарались передвигаться тише. Крадучись, пройдя вперед несколько шагов, мы вдруг слышали резкое шипение слева.

— Змея, гадюка! — прошептала Маринка и вжалась в стену, зачем-то приподняв полу плаща.

Я решила ни в коем случае не поддаваться панике и собралась уже сказать, что все это ерунда и змеи так громко не шипят, как вдруг шипение повторилось. Одним прыжком я оказалась в двух шагах впереди, и мы с Маринкой, стараясь не шуметь, чтобы не злить поганую рептилию, на цыпочках

завернули за угол, потом еще за один и оказались в небольшом помещении, опять же заставленном ящиками. История повторялась и как-то стала уже надоедать.

Маринка открыла рот, чтобы изречь какую-нибудь глупость, но я быстро дернула ее за мизинец.

– А? Что? – она, судорожно оглядываясь, наконец-то увидела то, что привлекло и мое внимание.

Толстый лысый мужчина, одетый в обыкновенный спортивный костюм и почему-то в шапочку с красным помпоном, закрывал крышку здорового разрисованного ящика, стоящего в глубине помещения. Очевидно, услышав шорох от наших движений, он вздрогнул и повернулся, слегка наклонив голову набок. Мы с Маринкой замерли и почти перестали дышать.

Было совершенно очевидно, что этот клоун что-то прятал и старался это сделать как можно быстрее и тише. Признаюсь, мне стало любопытно! И Маринка наверняка испытывала такие же чувства, правда, в отличие от ее непосредственной начальницы, у нее был довольно-таки слабо выражен охотничий инстинкт.

Ну посудите сами, разве так делают? Этот лысый дядька еще не задвинул ящик на место, еще не перестал подозрительно оглядываться, а Маринка, уже прикоснувшись губами к моему уху, зашептала:

– Что он там прячет, а? Ты не видишь?

Пришлось на нее шикнуть, и, к сожалению, не так резко

и громко, как она того заслуживала, поскольку было важно не спугнуть дядечку.

Дядечка тем временем, наверное, подумал, что шорох ему почудился, и, прикрыв ящик крышкой, задвинул его в ряд таких же расписных уродов, накидав сверху еще и небольших коробков. В последний раз осмотрев результат своей работы, этот лысый клоун вынул из кармана весьма прозаичную сигарету и, закулив, ушел по коридору как раз в том направлении, куда собирались идти и мы с Маринкой, пока он нас не спугнул.

Только его шаги затихли, Маринка, опережая меня, выбежала из нашего укрытия и, подскочив к ящику, попыталась приподнять его крышку, несмотря на то, что сверху на нее давили еще и накиданные коробки.

– Что же он туда спрятал? – азартно бормотала она. – Помоги, что ли! Ну что ты стоишь?!

Я в это время рассматривала сам ящик, и чем дольше я это делала, тем меньше мне хотелось заглядывать в него.

– Ты прочитай, что на нем написано, – спокойно сказала я. Четкая трафаретная надпись, шедшая поперек от угла до угла, не вселяла никакой радости: «Повелитель змей».

– Гадину какую-нибудь подкармливал, – догадалась Маринка, – ну ее к лешему.

– Пошли лучше в зал, там наверняка уже начинается самое интересное, – сказала я и вышла в коридор.

– Пожалуй, – нехотя согласилась Маринка. – В общем по-

нятно, почему он соблюдал такую конспирацию. Если бы Аркадий Павлович узнал, что ядовитых змей уже привезли, и без справок и прочего, шум был бы, е-мое!

– Ага, – рассеянно согласилась я. – Только вот куда нам идти? В какую сторону побрел этот змеелов, ты не помнишь?

– Налево! – крикнула она.

– Направо! – рывкнула я и дернула ее за руку.

Маринка скривилась и, попытавшись освободиться, ша-рахнулась в сторону. Послышался треск.

– Ой, стой, Оля, – сказала она. – Кажется, мое платье зацепилось за что-то!

Она приподняла подол и развернулась, перебирая и разглядывая его. Мы обе присели и стали освобождать Маринкино платье, крепко севшее на гвоздь. Пока мы этим занимались, слышались быстрые шаги, и мы увидели промчавшегося мимо нас Сикамбра.

Я уж было открыла рот, чтобы позвать этого негодяя, но Маринка остановила меня.

– Ты хочешь, чтобы я опозорилась перед мужиком? – злобным шепотом спросила она, и, хотя, если честно, я была не против посмотреть на это действие, пришлось вздохнуть и промолчать.

Я постаралась и высвободила Маринкино платье из плена. Оно, конечно, пострадало, но не чересчур, до дома дойти можно.

– Куда он пошел? – спросила я Маринку, хоть и сама пре-

красно видела, что Сикамбр бежал налево, куда хотелось идти и Маринке.

Освобожденная и убедившаяся, что ее потери были невелики, она рванула за Сикамбром, я – за нею. Коридор оказался недлинным и очень быстро привел нас наконец-то куда-то в реальное и понятное место. Уже явственно слышались звуки зала, перед нами была нормальная лестница, ведущая наверх, а сбоку белая дверь с нарисованными на ней двумя кругами однозначно указывала на то, что это туалет.

– А вот теперь, когда мы наконец-то выбрались из этого дерьма, можно и перышки почистить, – пышным слогом, возникшим, наверное, от пережитых волнений, сказала Маринка.

– Чисть! – равнодушно сказала я, доставая из кармана плаща пачку сигарет.

Хорошо еще, что я как-то додумалась переложить сигареты в плащ. Моя сумка осталась в зале под охраной Фимочки, а без сигарет в таком приключении было бы грустно.

– Ну почему ты не идешь-то? – спросила я у Маринки, закуривая.

– Я одна боюсь, – совершенно глупо, на мой взгляд, призналась она.

– Ой, не смейся людей, – досадливо отмахнулась я.

– Никого я не смешу, – окрысилась на меня Маринка и, открыв дверь туалета, зачем-то громко сказала: – Эй, я иду! Оглянувшись на меня и прислушавшись, Маринка, гордо

вскинув голову, зашла в туалет и закрыла дверь за собой, но буквально через секунду раздался ее оглушительный визг.

– Смешно пошутила, – проворчала я, не думая даже открывать дверь и заглядывать внутрь. У меня было не то настроение, чтобы поддаваться розыгрышам.

Дверь распахнулась, и наружу выскочила Маринка с дико расширенными глазами.

– А-а-а! Оля! – крикнула она, цепляясь за мою руку.

Я едва не выронила сигарету от таких заходов, но сдержалась. Все-таки что-что, а выдержку и силу воли у меня не отнять. Не первый год я общаюсь с Мариночкой, привыкла уже.

– Крокодил зубками лягнул из унитаза? – неэстетично пошутила я.

Маринка молча посмотрела на меня и затрясла головой.

– Там... – прошептала она, вздрагивая от ужаса.

Не думая ни о чем серьезном, я зашла в туалет. После небольшого тамбура там оказалась еще одна дверь с комнатой. На полу ее неподвижно лежал Сикамбр, прижав обе ладони к левой стороне груди. Между пальцами у него выступила кровь. Сикамбр не подавал признаков жизни. Я зажала горло руками и постаралась глубоко вдохнуть.

Глава 6

Никогда не стесняюсь честно признаться в своих маленьких слабостях... После секундного ступора я заорала так, что Маринкин жалкий визг тут и в сравнение никакое не шел, и выскочила из туалета. Она – следом.

Молча взглянув на меня, Маринка крепко схватила за мою руку, и мы бросились вверх по лестнице – там был свет и слышались голоса. Попав в галерею, куда выходили двери из зала, мы помчались по ней, отстукивая каблуками по бетонному полу частую дробь. Освещение тут из-за Чубайса или по причине взбесившихся привидений было, мягко говоря, условным, и наше настроение от этого отнюдь не улучшалось.

Галерея плавным поворотом заворачивала налево, и почти сразу же мы натолкнулись на мужчину, шествующего под руку с дамой. Я взвизгнула и шарахнулась в обратную сторону, едва не сбив с ног Маринку. Но она повисла на мне, а я в это момент узнала обоих: это были Аяврик и Марго.

– Что это вы здесь делаете? – удивленно спросил он. – Вы ведь должны были после номера сидеть в зале!

– Что-то не сработало в ваших дурацких фокусах! – выпалила я, стараясь дышать как можно спокойнее и разговаривать размеренно.

– Вы чего-то испугались? – басовито поинтересовалась

Марго, нехорошо усмехаясь. – Да у нас тут можно встретить довольно интересные экспонатики. Отрубленных голов еще не видали? – Надо же, она еще и издевается!

– Мы труп видали! – выпалила Маринка, не желающая оставаться на вторых ролях даже в такой двусмысленной ситуации.

Аяврик, все еще усмехаясь, переглянулся с Марго.

– Вы, наверное, забрели на склад реквизита, – философски изрек он. – Там много всяких манекенов.

Я, конечно же, прекрасно понимала, как приятно выглядеть умным в своих собственных глазах, но решила развеять Аяврику эту иллюзию.

– Там, – я показала рукой в темноту, из которой мы при-мчались, – в нижнем туалете, прошу прощения, на полу лежит Сикамбр. Судя по всему, его ударили ножом. Нужно срочно вызвать «Скорую» и милицию!

Аяврик покачал головой и вздохнул.

– Я сейчас посмотрю сам, – сказал он. – Вы уж, пожалуйста, не волнуйтесь так. Марго, не уходи, останься с девушками! Они, кажется, переволновались.

Откуда-то из-за спин наших любезных знакомых послышались шаги, и из полумрака материализовался наш адвокат.

– Фима! – радостно воскликнула я. – Где ты был?

– То же самое я мог бы спросить и у тебя, – ответил он. – В последний раз я тебя видел в клетке под платочком, а когда

платочек убрали, тебя там не наблюдалось. Ну как, здорово было?

– Очень, – буркнула я. – Незабываемое впечатление!

Мы с Маринкой немного успокоились, мои мысли пришли в порядок. Присутствие Фимочки, между прочим, способствовало этому. Аяврик, похоже, начал чувствовать что-то вроде раскаяния, если он в принципе был способен на такое чувство.

– Это моя вина, – пряча глаза, сказал он. – Не нужно мне было рассказывать вам все эти истории... Вот у девушек и пошли галюники.

Мы с Маринкой переглянулись. Поглядев на ее открытый рот, я опомнилась и закрыла свой.

– Что значит «галюники»? – вежливо поинтересовалась я.

– Это значит, пардон, что в удобствах, кроме того, чему там положено быть, больше ничего нет, – грубо сказала Марго и потянула Аяврика за руку:

– Пойдем, Сережа.

Аяврик посмотрел на меня с откровенной усмешкой, а вот этого я уже терпеть не желала.

– Что значит «больше ничего нет»? Я сама видела этого вашего Сикамбра, или как его там по паспорту, и уверена, что там лежал на полу вовсе не манекен, а самый обыкновенный покойник. Судя по тому, что за несколько минут до нашей последней встречи он достаточно резво бегал, то довольно-таки свежий.

Аяврик, не пряча улыбку, предложил нам пройти в зал.

– Да вообще-то и я вас уже заискался, так сказать, – проговорил Фима.

– Фима! – злобно-официальным голосом произнесла я. – Хотя ты-то мне веришь? Мы с Маринкой обнаружили труп, а эта парочка глумится!

Во что верил или не верил Фима, было неизвестно, но на мой вопрос другого ответа он дать бы никогда не мог.

– Конечно же, верю, – убедительно сказал он и, попав в ловушку, кашлянул и, повернувшись к Аяврику, сказал: – Надо бы проверить, на всякий случай...

– Да вы что?! – заржал Аяврик. – Да я готов спорить на ящик пива, что там ничего нет!

Фима покосился на мою хмурую физиономию, вздохнул и произнес:

– Согласен. Спорим.

Теперь уже попался Аяврик. Растерянно посмотрев на всю компанию, он пожал плечами:

– Ну пойдемте, если вам так интересно...

Мы с Маринкой отказались, не высказав энтузиазма, и Аяврик с Фимой пошли одни. Маринка, вытянув шею, посмотрела им вслед, потом повернулась ко мне.

– Дай, что ли, закурить, – пробормотала она, намертво забыв после пережитых испытаний, что она не курит.

Я протянула ей пачку и зажигалку, и мы принялись молча ждать возвращения разведчиков. Марго, прислонившись

к стене, отвернувшись и демонстрировала откровенное равнодушие к нашему присутствию. Вскоре Фима и Аяврик вернулись. Фима выглядел озабоченным, и мне как-то стало даже неинтересно.

— Как я и говорил! — громогласно возвестил Аяврик. — Никого и ничего, только легкие глюки от общей, так сказать, магической атмосферы!

Фима, наклонившись ко мне, тихо спросил:

— Оль, я не понял, а в чем прикол-то? Я пиво проспорию...

Я в растерянности посмотрела на Маринку, Маринка — на меня.

— А-а-а, — протянула я. — Так ты там ничего не увидел?

Фима внимательно посмотрел на меня.

— Пойдемте в зал, — сухо сказал он. — Мне кажется, вам нужно немножко развеяться, отвлечься...

— Вы, Оленька, не волнуйтесь так, — миролюбиво успокаивал Аяврик, — я же вас предупреждал: полнолуние-с! Вот, помню, в позапрошлом полнолунии мы как раз что-то отмечали... Марго, не помнишь, что именно?

Марго, идущая сзади, громко фыркнула:

— Вы всегда что-то отмечаете, поэтому сразу и не вспомнишь.

— Ну, когда нам всем померещилось, что крокодилы вырвались на свободу и еще какая-то херь? Не помнишь, что ли? — настойчиво пояснил Аяврик, явно на что-то намекая.

— А! — отмахнулась Марго. — Вас послушать, так у вас каж-

дую пьянку кто-то по стенам ползает.

– Подождите! – я остановилась и потерла виски пальцами. – Подождите! Я все, конечно, понимаю, но нужно сообщить об этом вашему местному руководству. Тому же Аркадию Павловичу. Фима! Мы с Мариной обе видели труп Сикамбра! Обе! Мы что же, обе съехали с катушек?

Фима, очевидно, совершенно по-свински огорченный своим пивным проигрышем, не стал поддерживать эту тему и довольно подлю пожал плечами, промолчав. Получалось, что в глазах почтенной публики мы с Маринкой – взбалмошные дуры, а может быть, и похуже того.

– Я сообщу, – успокаивающим тоном сказал Аяврик. – К тому же вы сами его наверняка увидите после окончания мероприятия.

Фима взял власть в свои руки и, пользуясь консультациями Аяврика, повел нас к нужному входу в зал, ввел туда и отыскал наши прежние места, оказавшиеся никем не занятыми. Но после того, что произошло, мне, честно говоря, было не до фокусов. Маринке тоже. Хотелось курить, ругаться и в душ.

А на арене в это время знакомый нам с Маринкой дядечка в клоунской шапочке показывал древнейшие фокусы с летающей тростью, и, смотря на действо, его становилось даже жалко. Эти фокусы я помнила еще с детства, и уже тогда они мне не нравились. Неинтересно! От скуки и досады я рассматривала зал и почти напротив нас через арену увидала

Авярика, сидящего вместе с Марго. Он в это время о чем-то активно перешептывался с Марго, и несколько раз, как я заметила, Марго всплакнула, ну, или по крайней мере очень реалистично изобразила этот процесс. Это мне показалось гораздо интереснее, чем скучные выкрутасы на сцене.

– Ну как настроение? – наклонился ко мне Фима и погладил по руке. – Все переживаешь?

– Не очень, – призналась я. – Такое впечатление, что наш цирк на самом деле место темное и чреватое всякими гадкими неожиданностями.

– Во-во, – громко поддержала меня Маринка. – Домой бы сейчас, а на пару статей мы материала уже настрадали.

– Не без этого, – согласилась я. – Но придется досиживать до конца. Не хочу уходить, не поговорив с Аркадием Павловичем.

Собрание Магического круга затянулось за полночь, и когда наконец было объявлено о его завершении, я уже почти спала, положившись на Фимочку в прямом и переносном смысле этого слова. Маринке, так как она сидела рядом со мною, а не с Фимой, пришлось лечь на меня. Я просто расслабилась, а вот Маринка даже сумела уснуть – у нее это запросто – и во сне шептала что-то про покойников и еще несла какую-то херь.

Пока она бормотала все свои переживания, я ее не беспокоила – все какое-никакое развлечение, но когда в зале зажегся свет, я осторожно постучала пальчиком Маринке по

лбу. Вот тут-то она и разверещалась, испуганно шарахаясь от меня на другого своего соседа – пожилого папашку с колючим взглядом. Папашка вздрогнул и, поморщившись, выругался. Маринка забормотала извинения и накинулась на меня с дурацкими обвинениями. Видите ли, я ее не так разбудила!

Не став объяснять своей забывшейся подруге, что я ей не будильник и не подушка, я встала и, повесив на плечо сумку, потребовала от Фимы, чтобы он вел меня к Аркадию Павловичу. Тот скривился, словно от приступа язвы желудка, и проямлил:

– А может быть, не нужно, Оль? И так уже нарисовались до безобразия... Я пиво проспорил...

– Далось же тебе это пиво! – не выдержав, возмутилась я. – Сама куплю тебе этот несчастный ящик, и не нужно держать меня за дурочку! Идем к Палычу!

– Ну идем, идем, мечта моя, – засуетился Фимочка, до которого вдруг дошло, что из-за своего занудства он может лишиться счастья общения со мною. По крайней мере на сегодня.

Такой перспективы Фима переживать не пожелал, поэтому, гордо задрав голову и расправив грудь, пошел впереди нас, раздвигая толпу, как ледокол. По крайней мере это ему так казалось, а я делала вид, что не замечаю, что его отталкивают и обругивают торопящиеся к выходу фокусники.

Мы вышли в галерею и, снова минуя те же знакомые ко-

ридоры, подошли к кабинету Аркадия Павловича. Кабинет быт открыт, но хозяина в нем не оказалось.

– Наверное, еще занят, – глубокомысленно заметил Фима. – Присаживайтесь, девушки, подождем.

Ждать нам долго не пришлось – дверь распахнулась, и в кабинет влетел Аркадий Павлович в весьма нехорошем расположении духа. Увидев нас, он нахмурился, но, не снижая темпа своего бега, зашел за стол и упал в кресло.

– Сумасшедший дом! – вздохнул он, доставая уже известную нам бутылку минералки. – Вы представляете? Вместо обещанных двух часов эти маги резвились три с половиной, и сейчас у меня все еще проблема их выпроводить, избавиться, так сказать, от дорогих гостей!

– А в чем проблема? – спросила Маринка. – Какая разница – два часа или три?

– Ну вы скажете! – возмутился Аркадий Павлович. – Во-первых, плата была внесена за два часа, во-вторых, сверхурочная плата персоналу была тоже рассчитана на два часа, а не на три! И всем хочется уже домой, и, простите, спать давно пора, а ведь завтра на работу, опять в этот дурдом, и, как всегда, утром.

– Да, – задумчиво проговорила я, – на работу нужно приходить или вовремя, или каждый день.

– Вот вы смеетесь, – укоризненно сказал Аркадий Павлович, – а мне лишние переживания на мою бедную старую голову. Как вам, кстати, выступление? Вы ведь в нем еще и

поучаствовали. Понравилось?

– Нет! – резко сказала Маринка и отвернулась.

Я заметила, как у нее задрожали губы, и решила не тянуть больше время и брать быка за рога.

– Аркадий Павлович, – сказала я, – у нас есть для вас важное сообщение. Оно, правда, немного необычное.

Аркадий Павлович, поджав губы, взглянул на меня, потом на Фиму, тяжело вздохнул и покосился на настенные часы.

– Вся моя жизнь в вашем распоряжении, – с двусмысленной гримасой произнес он. – Правда, чувствую я, что ее остается все меньше и меньше. На этой работе... – он махнул рукой и налил себе в стакан минералки.

– Я слушаю вас, Ольга... простите, забыл ваше прекрасное отчество.

– Неважно, просто Ольга, – кисло-сладко улыбаясь, сказала я. – Мы бы хотели с вами поговорить по поводу как раз того номера, в котором пришлось участвовать мне с Мариной...

– Это не ко мне, это не я, это Сикамбр, – быстро сказал Аркадий Павлович. – Его инициатива, вот пусть он сам и разгребает. Мое дело – обеспечить нормальное функционирование всех служб, что я и делаю. С грехом пополам.

– Аркадий Павлович! – Я не выдержала и повысила голос: – В вашем цирке, во время вашего дежурства произошло убийство. Убит Сикамбр!

Аркадий Павлович открыл рот и растерянно посмотрел на меня. Я быстро рассказала ему все, вплоть, конечно же, до

похода Аяврика и пропажи труп.

– Аяврик ничего не нашел? – медленно спросил Аркадий Павлович.

– Нет, не нашел, – подтвердила я. – Очевидно, убийца спрятал труп.

Аркадий Павлович, забыв про стакан, побарабанил пальцами по столешнице и осторожно спросил:

– А вы уверены, что он смотрел в том же самом... хм... помещении, где вы якобы увидели... хм... труп?

– Уверены, но мы видели его не якобы, а своими собственными глазами! Причем четырем!

Аркадий Павлович откинулся в кресле назад и с прищуром осмотрел меня с Маринкой.

– Сегодня полнолуние, – задумчиво произнес он. – Вы знаете, что в такие ночи увеличивается количество галлюцинаций?

Я даже рот приоткрыла от неожиданности. Надо же, такой солидный человек и вдруг погнал ту же пургу, что и Аяврик! С ума сойти! Сегодня точно глюковатое полнолуние, и доказательство этого сейчас сидит передо мною!

– Вы только не волнуйтесь, девушки, – Аркадий Павлович истолковал мой пристальный взгляд неправильно и бросился меня успокаивать, словно я в этом нуждалась. – Ведь помимо полнолуния с вами случилось и еще нечто неприятное. Эта дурацкая сетка, подвал, вам было страшно... Я все нормально понимаю! Как только Сикамбр появится, я ему

все выскажу и обяжу извиниться перед вами. Это же черт знает что! Вы абсолютно правы – такие фокусы без предварительного согласования недопустимы! Тут не только захочется исполнителя зарезать... хе-хе-хе, – Аркадий Павлович хрипловато рассмеялся и привстал. – Девушки, вы уж извините меня, но мне очень и очень некогда. – Аркадий Павлович встал и, тараторя какие-то слова, побежал к выходу из кабинета. – Я посвятил вам все свободное время, которое у меня было. Добро пожаловать в наш цирк. Всегда рад, но увы, еще раз извините, сейчас я убегаю!

С этими словами Аркадий Павлович пожал руку Фиме, поклонился нам с Маринкой и выскочил за дверь. Мы с ней переглянулись и пожали плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.